

Петр Чаадаев
Отрывки и афоризмы.

Вдохновение – сверхъестественное ли оно событие, изменяющее обычный ход природы? – Нимало. Оно необходимое последствие прямого действия неизвестного начала на силы нравственной природы, посредством которого эти силы получают несравненно большее развитие, нежели какими пользуются в обыкновенном положении.

Стоит только понять, что эта восторженность разумных способностей произведена творцом, а не творением, не ограничивается одним особым действием, но относится к общему целому, как и все непосредственно вдохновенное богом; стоит это понять, и будем, поверьте мне, истинно правоверны; с тою только выгодою перед ревностным догматиком, что будем понимать предмет нашей веры. Так точно знание откровенное есть только знание, превышающее все ведения, приобретенные обыкновенным ходом рассудка: знания сверхъестественного – нет!

Являясь разуму человека, господь не весь ему сообщается: не яко отца видел есть кто; след.: тут нет нарушения установленного порядка, а только чрезвычайный избыток естественных сил. Жизнь, данная прежде этим силам, возобновлена, удвоена тою же дающею рукою. – Где тут чудо?

К тому же знаем ли мы все способы ведения, принадлежащие душе? Все действия, все изменения, возможные ее способностям? Почему в некоторое время, при особенном содействии обстоятельств, новые силы, новые качества не могут проснуться и развиться в природе человека? – по недостатку пищи, или упражнения, погаснуть, изгладиться опять? – потом явиться снова? и все следуя порядку, предназначенному провидением? – что же будет тут чудного? – Если же, наконец, признаем в человеке свободную волю, то должна она иметь сходство, или даже тождество, с волею верховною; по крайней мере такую же силу свободы. И тогда как узнать, сколько эта свободная человеческая воля может получить силы, если встретится с волею вышней, сольется с нею, исчезнет в ней?

Иностранец, очутившись в Англии без предуведомления, без всякого приготовления прежде, чувствует, что все пружины многосложной машины, составляющей наружную жизнь англичан, неприязненно его отталкивают. Нет мысли для деления: движение необъятное, вот все, что предстоит ему везде, симпатизировать не с чем. В Англии одна действующая мысль является наружу; мысль рассудка, мысль спокойная хранится в святилище связей семейных или во внутренности души, там только можно найти ее. – Но и там, сблизясь с этим хранилищем, странное смешение застенчивости и многосторонней общительности, характеризующие английский ум, долго отчуждают пришлеца. – Когда же вы поселились однажды в недрах древней Англии, когда кроткая приязнь, наслаждение симпатии окружают вас отовсюду и заменят всю скуку первого приема; когда вам удастся, наконец, там, посреди английского семейства, на зеленой лужайке красивого загородного дома, под тенью прекрасных дубов и кленов, – удастся произнести слово home, как говорит его природный житель, тогда, не знаю, но мне кажется, что без сожаления изгладится из памяти воспоминание об отечестве, хотя бы это отечество была дорогая наша Россия!

В Германии плавают на океане отвлечений; немец там больше на просторе, больше дома, нежели на земле. Невоздержность мысли доведена в Германии до последней крайности, и это не странно: мысль отдельная, без применения, без телесности – что помешает ее полету? где ей препона? где опасность? Когда же захочет она взойти в жизнь, в употребление, когда с пределов вышних слетит на практическую действительность, тогда поневоле должна она себя умерить. Иначе все неизмеримые пространства вселенной ей недостаточны: занесясь за все существенное, она уносится все далее и далее; нет причины остановиться.

Должно, однако же, признаться, что в этих беспредельных путешествиях души есть наслаждение чудное. – Думаю также, что одним забвением существенного, одною беззаботностью о благах мирских может она приобрести возможность возвышаться и дойти наконец до самых высоких сведений, какие способна

только принять в той частице жизни, которую принуждена провести здесь на земле.

Слово! – А что такое Слово? – Смотрите на кормщика; – среди подводных камней он правит верно кораблем своим, по воле своей вертит им, как простым куском дерева, плавающим на поверхности вод: от времени до времени повторяет он несколько слов, и они-то производят это чудо. – Взгляните на поле сражения: сотни полков подвиглись, в одно время вдруг бросаются они на неприятеля – одно мановение, одно слово начальника тому причиною. – Вот слабое подобие глагола могущего, который яснее и звонче всякого человеческого голоса в ограниченном пространстве раздается в беспредельности вселенной, – и этот глагол есть слово. – Слово есть действующая сила речи, глагол творящий. Те много ошибаются, кто пророчества Св. писания почитают простыми предсказаниями, предвещанием будущего и ничем больше. – В них заключается учение; учение, относящееся ко всем временам; столько же важная часть вероисповедания, как и все прочие.

Дух святой, говоря устами своих пророков, не переделывал человеческой природы. Сердце же человека сделано таким образом, что будущего предчувствовать иначе не может, как выводя его из известных ему настоящего и прошедшего. Разумная природа, действующая по собственному произволу, перестанет быть сердцем человеческим, если будет действовать иначе. – Сия-то строгая связь будущего, настоящего и прошедшего, скрытая от прочих людей, была ясно открыта провоззрителям Израиля, то есть яснее, нежели прочим людям. Связь эта, будучи неизменна, необходима, неприменна, неминуемо должна быть сегодня та же; та же завтра; та же всегда. Одинаковые положения, одинаковые обстоятельства во все времена производят одинаковые действия. Следовательно, учение пророков простирается на все времена, на все случаи, если только уметь прилично применять его.

Трудно, конечно, уловить это строгое сходство начертанных эпох. Глубокое чувство, сердечное ведение путей божиих, происходящее от безмерной покорности к изъявлениям его верховной власти, одни могут указать его. То же высшее начало, дающее дар пророчества, дает и разумение оного. Пророк и толкователь его стоят на одной степени посреди невещественной иерархии; тот сам пророк, кто совершенно понимает пророчества.

Иные, например, относили великие сказания Апокалипсиса к определенным временам: толкование смешное! или лучше сказать бестолковое! – Мысль Апокалипсиса есть беспредельный урок, применяющийся к каждой минуте вечного бытия, ко всему, что происходит около нас. Эти ужасающие голоса, оттуда взывающие, – их надобно слушать ежедневно; эти чудовища, там являющиеся, – на них надобно смотреть каждый день; этот треск машины мира, там раздающийся, – мы слышим его беспрестанно. Одним словом, превосходная поэма Иоанна есть драма вселенной, ежедневная, и развязка ее не так, как в драмах, произведенных нашим воображением, но по закону бесконечности продолжается во все веки и началась с самого начала действия.

Мечтатели, толковавшие Апокалипсис, действовали по призыванию. – Все безрассудности, священной книгой произведенные, никогда не были напрасны, для каждой из них была причина необходимая. Например, тысячелетники – без них не было бы крестовых походов. Крестовые же походы по всему были непременно нужны: без них новое общество не могло образоваться. Без них человеческому рассудку недоставало бы примера величайшего исступления, возможного чувству набожности, и мы не имели бы истинного мерила этого великого побудителя человеческих поступков. Без них, наконец, грядущие поколения не имели бы воспоминания великого, возвышенного, урока нравственности, исполненного мыслей необыкновенно плодотворных и высоких. Благоразумный человек, говорите вы, но потому беспокоится, что так же, как все прочие, бегаем за счастьем. Он, видно, не знает, что невозможно быть вместе благоразумным и счастливым. – Что нужно для счастья, посмотрим? – Не нужно ли прежде всего быть довольным собою и всеми? Скажите же, кроме безумца, кому это возможно? – Доказать, что одни глупые могут быть счастливы, есть, кажется мне, прекрасное средство отвратить некоторых от пламенного искания счастья.

Нет сомнения, что счастье, такое, какого желает большая часть людей, недостижимо никому без глупого довольства собою и всем окружающим. Для этого счастья ищут богатства, почестей, славы, но, получивши их, не надобно ли считать себя умнее, совершеннее прочих людей, не надобно ли с удовольствием смотреть на все около нас происходящее? – иначе на что и все? без этого какое счастье? – Пусть вообразят благополучие, какое только может быть на земле, для довершения этого благополучия надобно же предположить безумное самодовольство и равнодушие вдвое безумнее ко всему окружающему. – Древние это знали: простодушнее, откровеннее нас не проповедовали они другого нравственного учения. Что такое их мудрый? – Дерзкий глупец, нечувствительный ко всему, при нем совершающемуся, восхищенный собою и

всеми своими поступками. В этом не разнятся ни Эпикур, ни Зенон. Человек не умел создать себе иного идеала вышней мудрости. Какое же неизмеримое пространство между этой холодной, вялой, неподвижной сухой философией и тою, которая говорит нам: царствие божие ищите, и все прочее вам дано будет! – Что может быть проще урока, заключенного в этих словах нашего спасителя? Не ищите благ для самих себя, говорят они нам; ищите для других; тогда неминуемо будут они и вашим делом; без домоганий ваших найдут они вас; счастье частное не заключено ли в счастии общем?

Прочь страсти! – прочь беспокойные волнения себялюбия! живши для других, живешь вполне для себя: вот истинное счастье, единственно возможное, другого нет. Доброжелательство, неизмеримая любовь к ближнему, вот что украшает жизнь истинным благополучием.

Всякое вещественное движение не есть ли оно произведение звучного и гармонического потрясения воздушной жидкости? или иной какой жидкости, еще точнее, еще эфирнее, которая, проникая в самые твердые тела, действует прямо на первобытные частицы, их составляющие.

Звук есть для нас то, что поражает органы нашего слуха. Почему не может он, по гармоническому своему свойству, быть началом или причиной бесчисленного множества перемен, перестановок и изменений вещества, которых ни причин, ни начал мы теперь не знаем?

Звук есть потрясение воздуха. Может ли воздух, потрясаясь, не дотрагиваться до окружающих его тел? Противное уже доказано.

Несомненно, что воздух находится в беспрестанном движении. Почему же не приписать этому беспрестанному движению воздухообразной материи некоторые из непостижимых явлений органической природы, происходящих во внутренности тел, как, например, восходящее брожение сока в растительном мире, обращение крови в животных и пр.? Эти явления все более или менее противоречат известным законам природы, и именно закону всеобщего тяготения. Не вижу, например, почему вследствие этого движения не совершаются некоторым созвучиям, слияниям между частицами мозга, фибров и прочего, когда они, пребывая в одном или в разных существах, находятся между собою в определенном сношении? почему не производить им многие, удивительные нам, действия? Если перелив воздуха может потрясти струну, натянутую однозвучно с другою струною, почему же, скажите мне, нервы не могут потрястись так же и по той же причине?

Все это вопросы неразрешенные; но сознайтесь, что, если можно отвечать на них, какие необъятные приложения может доставить тогда наука счислений и как увеличится владение математической достоверности!

Есть ли беспредельность пространства, не знаю: но знаю, что есть беспредельность времени, и что эта беспредельность, это неизмеримое продолжение, это бесконечное последование вещей есть жизнь, истинное, совершенное существование.

Конечное может раздробляться – бесконечное никогда. Мысль раздробления соединяется в уме моем с мыслью уничтожения: мысль о единстве с вечностью. Следовательно, уничтожение есть для меня зло, вечность – благо. – Зло клонится к истреблению, добро к сохранению; и потому вечность, благо, жизнь – одно и то же.

Эти две идеи я называю идеями совершительными человеческого разума; они находятся на обоих концах той черты, которая дает ему меру. Все прочие идеи человека в них заключаются или таким образом входят, что разум не может принять ничего, не связавши прежде с одной из двух этих идей: уничтожения или сохранения. – Опора всех наших суждений, и не только суждений, всех чувств наших, эта связь, в которой происходят все действия разума без ведома нашего, дает закон нашим мыслям. Заметьте, что даже идеи чисел, хоть кажутся несовместными с этими понятиями, не выходят из них: все числа и расчеты принадлежат или делению, или умножению; делить – уничтожать; умножать – производить.

Нравственная мысль не может, по моему мнению, иметь другого начала. Идея о совершенстве, красоте, гармонии, добродетели, любви есть только изменение идеи о вечном сохранении; идея несовершенства, безобразия, порока, несогласия, ненависти есть также изменение идеи ничтожества. Ничего не можем мы придумать доброго, прекрасного, не приписывая ему вместе продолжительности, прочности, устойчивости; ничего не воображаем дурного, злого, не привязывая к тому мысли о проходимости, неверности, уничтожении. Таким образом, наш разум пребывает постоянно между мыслию смерти и жизни, и они одни управляют им повсюду.

...снисходят к нему, оно облекается в понятный ему язык; тут нет ничего удивительного. Но на этом должно утверждать веру в ангелов; иначе каждое слово священной книги может дать повод особенному учению.

Итак, вера в ангелов не есть догмат веры? Конечно, нет. – Скажу больше: человек, созданный по образу божию, может ли законно признавать существа

превыше себя? – Не думаю. Иисус не был ангел: он был бог и вместе человек. И поэтому позволено сомневаться, чтобы нужно было средним существам наполнять пространство, разделяющее разумное естество человека с естеством Божиим. Правда, что целые народы и умы самые глубокие всегда склонны были признавать бытие существ совершеннее нашего человеческого существа; это понятно, и можно допустить эту веру, но отвергать ее как грубое суеверие – кажется мне суеверием еще грубейшим.

Сведенборг был очень глубокомысленный человек. Но он напрасно составил себе такое внутреннее пифагорическое учение: оно ослабило действие его творений. Что же касается до его короткого знакомства с силами небесными, то оно совсем не удивительно; я удивился бы гораздо больше, если бы с таким особенным устройством разума он не считал себя коротко с ними знакомым. Вы часто слышали, что сон есть образ смерти; мне кажется, что сон есть настоящая смерть, а то что смертью называют, кто знает? – Может быть, оно-то и есть жизнь? – Мое я перерывается сном, смертью – нет: иначе было бы ничтожество. Из гроба не просыпаемся; ото сна встаем и входим опять в наше я. – Но скажите мне, живем ли мы, когда ни на минуту не чувствуем своей жизни?

Дело в том, что истинная смерть находится в самой жизни. Половину жизни бываем мы мертвы, мертвы совсем, не гиперболически, не воображаемо, но действительно, истинно мертвы. Взгляните на себя со вниманием обдуманности: вы тысячу раз на день увидите, что за минуту перед этой вы столько же были живы, сколько за час до вашего рождения; что не имели понятия ни о том, что делали, ни даже сознания о вашем существовании. Где же тогда была жизнь? – Это жизнь растительная, жизнь зоофита, но такая ли жизнь одушевленного творения? – тем паче существа разумного!

Жизнь убегает от нас повсеминутно, часто к нам возвращается, но никак нельзя сказать, чтобы мы жили не переставая. Жизнь разумная прерывается всякий раз, как исчезает сознание жизни. Чем больше таких минут, тем меньше разумной жизни, а если они совсем не возвращаются, вот и смерть. – Чтобы умереть таким образом, не нужно прекращать жизни, другой же смерти нет. Смерть в самой жизни, вот все, что называют смертью.

Между тем объясним возможные здесь недоразумения. Когда говорю сознание жизни, я не подразумеваю то идеологическое сознание, на которое опирается новая философия: простое чувство существования. Я понимаю под этим сознанием не только чувство жизни, но и отчетливость в ней. Это сознание есть власть, данная нам действовать в настоящую минуту на минуту будущую; устраивать, обделывать жизнь нашу, а не просто предаваться ее течению, как делают скоты бессловесные. – Когда эта совесть, это сознание потеряно, то нет воскресения. Знаете ли почему? – Потому что это-то и есть ад, проклятие, отчуждение! – Для существа разумного может ли быть мука тяжелее ничтожества?

То, что язычники называли мудростью, добродетелью, верховным благом, мы зовем одним словом: небо.

Очень знаю, откуда приходят ко мне дурные мысли; одному безумцу предоставляю знать, откуда берет он благие.

Любовь христианская: рассудок без эгоизма. – Рассудок, отказавшийся от способности все относить к себе.

Правильно организованный разум стремится к покорности, к вере, так точно, как дурно организованный отталкивает всякую веру, противится всякой покорности.

Философ называет богом закон, гармонию, вселенную, не знаю, что еще; потом говорит: божества нельзя постигнуть. – Мудрено ли? Как мне постигнуть этого несообразного бога, раздробленного до бесконечности, материю и разум вкуче? Но этот бог, он дело рук ваших, не тот бог, который есть сый. Из самой простой идеи вы сделали самую сложную, великое чудо, что не умеете взгромоздить ее в вашу голову!

Мы знаем одну только маленькую частицу бытия нашего, ту, которую проходим в настоящей жизни; знаем и то, что оно продолжится гораздо более, и, однако, неимоверная вещь! хотим постигнуть закон целого бытия нашего!

Пантеист называет мир Все: предполагает его совершенным. В этом Все находит причину и начало всего. Это Все вечно, бесконечно, разумно, содержит в себе все времена и все пространства. Одним словом, все качества, которые деист приписывает богу, пантеист отдает их своему Все.

Почему же и не так? Система основательная и способная подтвердиться строгими доказательствами. Допустите слово Все, и остальное будет необходимый вывод принятого начала.

Но все это заключено очевидно в одном слове, помещенном на месте другого. Спиноза мог быть очень благочестив и, вероятно, был благочестив. Читая его, против воли увлекаешься чем-то чрезмерно набожным, чем-то проникающим сквозь математическую дерзость его аргумента и тем вернее поражающим, чем

менее действие было ожидаемо.

Впрочем, всякий излишний восторг, с которым рассматривают природу, ведет к пантеизму; – находя во всем разум, дает душу всему, и вся вселенная становится великой разумной душой, как у пантеиста. – Смотрите Бонета, Палея и других.

Инстинкт животный, инстинкт человека, два совершенно различных свойства. – Первое есть побуждение физическое, чувственное; другое – неясное разумение души, которое хотя по неясности своей сливается с ощущением, но весьма от него отлично.

Человек не по образу животных обладает инстинктом своим: это уничтожило бы разум; он обладает им свойственным человеку образом. Один инстинкт ничего не решает для человека, он действует в нем, соединясь с разумом, которого он иногда удваивает энергию, иногда ослабляет. В животных инстинкт есть единственная причина всей деятельности, потому-то власть его над ними так велика, что в иных случаях превышает будто власть самого разума над человеком.

Что нужно для того, чтобы ясно видеть? Не глядеть сквозь самих себя.

Что такое христианство? – Наука жизни и смерти.

Что такое общественный порядок? Временное лекарство временному недугу.

Учреждения политические, юридические, законодательные и прочие подобные, на что они? Для поправления вреда ими же сделанного.

Куда делись варвары, истребители древнего мира? – Обратились в христиан.

Что был бы мир, если б не явился Христос? – Ничто.

Случалось ли кому видеть во сне, что дважды два пять? – Никому. – Почему же говорить, что во сне не действует разум?

Во Франции на что нужна мысль? – чтоб ее высказать. – В Англии? – чтоб привести ее в исполнение. – В Германии? – чтоб ее обдумать. – У нас? – Ни на что! – и знаете ли почему?

Люди воображают, что живут в обществе, когда стесняются в города, в селы. Как будто собраться в кучу, вместе пастись, как бараны, называется жить в обществе!

Пять лет тому, как во Флоренции я встретился с человеком, который очень мне понравился. Я провел с ним несколько часов; часов, не больше, но приятных, сладких часов, и тогда еще не умел я извлечь из него всю пользу, которую мог бы извлечь. Он был английский методист; жил, кажется, при миссии в Южной Франции. Когда я с ним познакомился, то он возвратился недавно из Иерусалима. В нем поражала чудная смесь живости, горячего усердия к высокому предмету всех его мыслей – к религии – и равнодушия, холодного небрежения ко всему прочему. В галереях Италии великие образцы искусства не волновали души его, между тем как маленькие саркофаги первых веков христианства неизъяснимо его привлекали. Он рассматривал их, разбирал с исступлением; видел в них что-то святое, трогательное, глубоко поучительное и погружался охотно в возбужденные ими размышления. – Итак, повторяю: с этим человеком провел я несколько часов, скоро протекших, почти мгновение, – и с тех пор не имел о нем никакого известия; – и что же? – теперь я наслаждаюсь его обществом чаще, нежели обществом прочих людей. Каждый день воспоминание о нем посещает меня; оно приносит с собою такое волнение, такую сердечную думу, что укрепляет против печалей, меня окружающих, защищает от частых нападений уныния. – Вот общество, приличное существам разумным! вот как души действуют взаимно одна на другую: им время, ни пространство препоною быть не могут.

Слышу, что говорят иногда о старом человеке: бедный! он стал опять ребенком. – Нет, он, видно, не выходил еще из ребячества. Пересмотрите жизнь его: вероятно прежде он ребячился больше, нежели теперь, а теперь продолжает быть тем, чем всегда был.

Счастлив был бы человек, если б мог возвратиться на прежний путь свой! – Это невозможно! Установленный порядок требует, чтоб он шел вперед, всегда, не останавливаясь, вперед; ни шагу назад, вперед беспрестанно, собирая на главу свою вину за виною. – Переидет смерть, тогда, да, тогда есть надежда, что благость божия позволит ему остановиться, пересмотреть пройденное время и, может статься, отступить назад.

Есть, однако, христианское вероисповедание (вы его знаете), в котором не признают чистилища. Хотят перепрыгнуть из этой жизни прямо в другую, где все невозможно, неизменно, неисправимо. – Учение жестокое! – больше жестокое, нежели ложное.

Если хотите знать, что такое душа в животных, то (прошу извинения!) разберите, что происходит в вашей душе в течение большей половины дня. Заметьте, что самая высокая степень понятливости в животном не доказывает ничего. – Например, если мы видим, что оно не может решиться на какое-нибудь действие и останавливается, как будто обдумывая его, то ведь не знаем, до какой степени простирается может ощущение в существах, им

одним руководимых. – В животных есть дар подражания совершенно чувственный, почти механический, который, если бы мы умели его хорошенько постигнуть, изъяснил бы нам все, что кажется непонятным, не оставляя следа недоумения. – Мы сами очень многому подражаем машинально, без малейшего размышления, не думая, берем привычки людей, с которыми живем, присваиваем себе их движения, их хватки и даже иногда перенимаем голос. Вот наша чисто животная натура.

Что же касается до этой слабой возможности усовершенствования, которую встречаем в животных, то для нее не нужно прибегать даже к ощущению: одно органическое начало изъяснит нам ее. – Растения не имеют ли свои привычки? – Между тем можно, зная совершенно устройство их, дать им новые привычки, некоторого рода воспитание, – след, и в растениях было бы усовершенствование, как в животных. Бюффон и прочие натуралисты почти то же сказали. Но опытное созерцание собственной нашей природы заслуживает особенное внимание. Нам очень важно знать, что человек не целый день бывает человеком.

Бюффон, отнявши у них разум, дает животным какое-то самосознание, ощущение собственного бытия. Странная мысль! Я сам могу ли постоянно иметь это самосознание? Не нужно ли даже некоторое усилие, чтоб его себе напомнить? – Неужели животное будет иметь качество, которое мне не дано во всякую минуту?

Скажем себе в минуты уныния: можем ли быть несчастны, жалки мы, созданные по образу и подобию божию?

Все, все отражается в самосознании. Всякий закон природы повторяется в моем я. Все явления физического мира являются в мире невещественном. Мысль во внутренности поверяет все изменения внешней природы. Но мысль понимает, ведает свое действие, природа не ведает. – Знание есть жизнь мысли, жизнь природы есть отрицательное явление. Когда мысль перестает познавать, она уничтожается. – Вот почему спаситель сказал: жизнь вечная есть знать тебя, Отец!

Человек может верить уничтожению бытия своего в течение целой своей жизни, но за минуту перед смертью эта уверенность исчезала и всегда исчезать будет. В минуту, начинающую уничтожение, он чувствует продолжение жизни своей. – В эту минуту великий закон всеобщей непреходимости существ в высочайшей степени выражается в каждом отдельном существе!

В природе есть сила пластическая, творящая одни формы. В ней-то, вероятно, заключено истинное жизненное начало, сосредоточение всех естественных сил. Оно замечательнее всего является в кристаллизации, там надобно изучать его и обдумывать. Кристаллизация есть поистине странное явление: вполне геометрическое. Достоин удивления то, что природа таким способом образует первобытные составы тел: неистощимый источник размышлений!

В разуме есть также сила, этой силе соответствующая: воображение. – Эти две силы всеобщей природы не больше ли прочих содержат в себе могущественной способности созидать? Не больше ли прочих подходят к этому могуществу и подражают ему?

Что делаем мы, занимаясь спасением нашим? Даем жизнь душе: труд божественный. – Тот, кто дал жизнь неисчислимому множеству душ, кто дает ее беспреданно, кто до скончания веков будет разливать, распространять жизнь повсюду и во всем – скажите, бог он или нет?

Что такое разум? – Признать другого, кроме собственного, не имею я права; свой же разум называю я ничто; – скажите, не властен ли дать ему такое название?

Думаете ли вы, что человек способнее понять смерть, нежели рождение? – Нет, конечно. Он видит, как около него образуются и истребляются существа, и между прочими существа ему подобные. Он не знает, жили ли они под другою оболочкою прежде, нежели приняли теперешний образ, не знает, будут ли они жить, сложив его с себя. – Однако он воображает, что постигает несколько смерть, потому что ее боится. Его пугает не страдание: он не знает, есть ли в смерти страдание; не уничтожение: ибо что же страшного в мысли уничтожиться, перестать жить? – Выходит, что он проведал, неизвестно как, что после смерти будет опять жить. Но какая это будет жизнь и каким образом жить ее, какое в ней отличие от здешней? – вот что ему кажется ужасно. – Вот еще великое предание, теряющееся в незапамятных временах, как и многие другие основные идеи человеческого рассудка, созданные не им самим, но переданные и сообщенные тогда еще, когда созидался во вселенной разум! Но что же такое смерть? Та минута в целом бытии человека, в которую он перестает видеть себя в теле. – Вот все.

Нельзя доказать строго ни бессмертия души, ни ее невещественность, но можно доказать жизнь души после той минуты, которую называем смертью: для нравственности этого довольно.

Христианин беспрестанно переходит с неба на землю, с земли на небо: кончит

тем, что остается на небе.

Есть больше веры законной, нежели законного сомнения: отсюда превосходное слово св. Павла: Любовь всему верит.

Никто не считает себя вправе получить какую-нибудь вещь, не потрудившись протянуть за нею хотя руку: одно счастье исключено из этого общего правила. Всякий требует счастья, не сделавши ничего для его приобретения, т. е. для того, чтобы быть достойным счастья.

Надеяться на бога есть единственный способ в него верить, и потому кто не молится, тот не верит.

Христианское бессмертие это жизнь без смерти, совсем не так, как думают, жизнь после смерти.

Умер человек, которого вы любили, уважали: теперь он стал для вас воспоминанием печальным, может быть, печальным и сладостным вместе. Но вы уже не любите его, не уважаете, вы только о нем помните. И можно ли в самой вещи любить и уважать прах? – Но если этот человек жив? Живет где, не знаю, в какой-нибудь стране дальней, в земле неизвестной? Если он только в отсутствии? разлучен с вами, как и многие друзья ваши? – Для чего же тогда не питать к нему тех же чувств любви, которые вы имели прежде? – И вот наше служение святым. Верить бессмертию души, быть убежденным в этой вере и не чтить людей, заслуживших почтение, потому что они живут не на этой земле – не безрассудно ли такое противоречие?

Помните ли, что было с вами в первый год вашей жизни? – Не помню, говорите вы. – Ну что же мудреного, что вы не помните, что было с вами прежде вашего рождения?

Нам приказано любить ближнего, но для чего? – Для того, чтобы мы любили кого-нибудь кроме самих себя. Урока нравственного тут нет, это просто логика. Что б я ни делал, всегда нахожу что-нибудь между истиной и мною: это нечто сам я; истина сокрыта мне одним мною. – Есть одно средство увидеть истину – удалить себя. – Мне кажется, не худо говорить себе почаще то, что Диоген, как вы знаете, сказал Александру: отойди, друг мой, ты застишь мне солнце.

Одно только око христианской любви видит ясно: в этом заключена вся философия христианства.

Что производят люди, живучи вместе? Азот, т. е. истребляют друг друга.

Понимаете ли вы, откуда в вас родится правда? – Нет? – А ложь? – Понимаю.

Все мое существо возмущается, когда слышу, что богу приписывают какое-нибудь несовершенство, какую-нибудь неспособность. – А это делают всякий раз, когда признают вечные законы: неизменный порядок или лейбницову гармонию, или вечную материю, или монад, стихий, или что иное подобное. Следовательно, предполагают, что бог не имеет возможности истребить все зло.

Декарт, как известно, не мог переносить, чтобы определяли границы всемогуществу божию. – Что же до меня касается, ужас, который я чувствовал при одной этой мысли, был всегда звездой моей жизни.

Все определения, какими будем описывать организованное существо, всегда будут годиться целому земному шару. Природу разделяют на организованную и неорганизованную. – Небесные тела не принадлежат ни к тому, ни к другому разряду: в ожидании нового распределения из них составили просто математические точки благодаря неизмеримому пространству, в коем они движутся. Что же касается до нашей планеты, мы знаем одну ее оболочку и из этой оболочки сделали запас обширной науки. Вам это не нравится? Эмпиризм доволен таким распоряжением. Чего же вам более?

Вы, неверующие христианству, вы почитаете себя крепкими духом? – Знайте же, что и крепостью этой нельзя вам хвастаться: больше крепости духовной нужно, чтоб быть христианином, нежели чтоб не быть им. – Вас пугает суеверие, предрассудок; больше предрассудка и суеверия в неверии, нежели в вере. – Как сделались вы неверующим? Не так ли, как народ становится христианином? – Не так ли и вы, как народ, повторяете ваш катехизис, не понимая его? – Вы ли выдумали то, что рассказываете с таким убеждением? Бедные люди! посмотрите, не начальник ли вашего прихода научил вас тому? Когда философ произносит слово человек, всегда ли он знает его значение? – Сомневаюсь.

Человек рождается на свет, подобно другим животным; отличается от них организацией, ему свойственной, которая во всем животном царстве дана одному ему. Но не это делает человека существом разумным, просвещенным, существом отдельным, без определенного места во всей природе. Когда пишут рассуждения или истории ума человеческого, то отыскивают способы, какими человек животный доходит до степени человека разумного. Тут столько же заблуждения, сколько неведения. Человек животный становится разумным, правда, но этот переход не необходимый, а только случайный.

Гипотеза человека животного (я говорю гипотеза, потому что никто не видал

такого человека; рожденный посреди подобных себе, человек ни минуты не остается в первородном состоянии). Эта гипотеза может иметь место в патологии, в гигиене, примененным к философии, но самой философии на что она годиться может? – Когда философия этим занимается, то вместо философии человека становится философией животных; становится только тою частью натуральной истории, которая описывает нравы животных: главою о человеке в зоологии.

2

106

Говорят про Россию, что она не принадлежит ни к Европе, ни к Азии, что это особый мир. Пусть будет так. Но надо еще доказать, что человечество, помимо двух своих сторон, определяемых словами – запад и восток, обладает еще третьей стороной.

107

Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее, только бы ее не обманывать.

108

Русский либерал – бессмысленная мошка, толкущаяся в солнечном луче; солнце это – солнце запада.

109

За каждым предметом в природе имеется нечто, что вкладывается в него нашим умом или нашим воображением: это и есть то невидимое, что художник должен воплотить в своем произведении, ибо это именно нас трогает, нас волнует, а вовсе не сам предмет, нами созерцаемый.

110

Горе народу, если рабство не смогло его унижить, такой народ создан, чтобы быть рабом.

111

Граф де Местр говорил: «Преувеличение есть правда честных людей», т. е. людей с убеждениями, потому что честный человек не может не иметь их.

112

Недоброжелательство смертельно для красноречия, если только оно не вызывает негодования или презрения.

113

Есть лица, на которых написано «нет»; человек с убеждениями инстинктивно от них отворачивается.

114

Есть натуры, лишенные способности утверждать что-либо, которые боятся произнести роковое «да», как молодая девушка, брошенная неумолимою волей родителей в объятия ненавистного человека.

115

Слово звучит лишь в отзывчивой среде.

117

Люди, всегда красно говорящие, никогда не бывают красноречивы.

118

Есть глупцы столь невосприимчивые, что и солнце гения не в силах их оплодотворить.

119

Есть умы столь лживые, что даже истина, высказанная ими, становится ложью.

120

Болезнь одна лишь заразительна, здоровье не заразительно; то же самое с заблуждением и истиной.

Вот почему заблуждения распространяются быстро, а истина так медленно.

122

Ясно, что бог, предоставив человеку свободу воли, отказался от части своего владычества в мире и предоставил место этому новому началу в мировом порядке; вот почему можно и должно ежечасно взывать к нему о пришествии царствия его на земле, т. е. о том, чтобы он соблаговолил восстановить порядок вещей, господствовавший в мире, пока злоупотребление человеческой свободой еще не ввело в него зло. Но просить его, как это требуют некоторые из наших учителей, чтобы царство его наступило на небе, бессмысленно, потому что там царство его никогда не прерывалось, так как мы знаем, что создания, по своей природе предназначенные обитать в небе, которые послушались бога, были оттуда изгнаны, прочие же, просветленные неизъяснимым светом, там сияющим, никогда не злоупотребляли своей свободой и шествовали всегда по божьим путям. Надо еще сказать, что, если бы указанная система была верна, пока не настало царство бога, он не царствует нигде, ни на земле, ни на небе. Мы хотели бы верить, что это следствие не было учтено сторонниками этого учения.

123

Благо, внесенное христианством, утверждают еще наши «учителя», если оно и воспоследовало, вовсе не должно было непременно произойти, а явилось чисто случайно; христианство предназначено к воздействию на отдельную личность: до общества и всего человечества ему нет дела. Человечество, по их мнению, шествует к гибели и должно к ней идти; Иисус Христос пришел и должен был прийти не на помощь к нему. Христианство обращается именно к отдельной личности, если же оно было полезно человечеству, то произошло это по недосмотру. К тому же христианство вовсе не заботится о земных благах, оно занимается лишь благами небесными. Мир должен прийти в полное расстройство, отнюдь не останавливайте его движения, несущего его к разрушению! Наконец, эта предписанная спасителем возвышенная молитва: «да приидет царствие твое», которая как бы заключает в себя всю социальную идею христианского учения, согласно этому взгляду есть лишь нескромное пожелание, которому никогда не суждено сбыться. Ясно, что эта точка зрения чрезмерного и непросвещенного аскетизма, в сущности, не отличается вовсе или очень мало от взгляда неверующих, так как те также отрицают благодеяния христианства или же рассматривают их как невольное последствие этой религии на том бесспорном основании, что ей дела нет до земных интересов.

124

Есть люди, которые умом создают себе сердце, другие – сердцем создают себе ум; последние успевают больше первых, потому что в чувстве гораздо больше разума, чем в разуме чувств.

125

Религия начинается с веры в то, что она хочет познать: это путь веры; наука принимает что-либо на веру, лишь подтвердив это путем ряда совпадающих фактов: это путь индукции; и та и другая, как видите, разными путями приходит к тому же результату – к познанию.

126

Религия – есть познание бога. Наука есть познание вселенной. Но с еще большим основанием можно утверждать, что религия научает познать бога в его сущности, а наука в его деяниях; таким образом, обе в конце концов приходят к богу. В науке имеются две различные вещи: содержание или достижения, с одной стороны, приемы или методы – с другой; поэтому, когда ставится вопрос об определении ее отношения к природе, следует им ясно указать, хотят ли говорить о самой сущности науки или об ее методе; а вот этого-то и не различают.

127

Нет ничего легче, как полюбить тех, кого любишь; но надо немножечко любить и тех, кого не любишь.

128

Есть только три способа быть счастливым: думать только о боге, думать только о ближнем, думать только об одной идее.

129

В области нравственности движение не основано на одном удовольствии двигаться, должна быть и цель; отрицать возможность достичь совершенства, то есть дойти до цели, значило бы – просто сделать движение невозможным.

131

Некоторые люди никогда не творят добро из-за одного удовольствия, доставляемого добрым поступком; немудрено, что они не могут постигнуть абсолютного блага, а понимают, по их же словам, одно только благо относительное. Постигнуть совершенство дано только тем, которые к нему стремятся с единой целью стать к нему ближе.

132

Общество заставляет двигаться вперед не те, кто колеблется между истиной и ложью, эти плясуны на канате, а люди принципиальные. Логика золотой середины может поэтому, в лучшем случае, поддерживать некоторое время существование общества, но она никогда ни на шаг не двинет его вперед. Плодотворен один лишь фанатизм совершенства, страстное стремление к истинному и прекрасному.

133

Законы о наказаниях имеют в виду не только охрану общества, целью их служит еще наибольшее возможное усовершенствование человеческого существа. И эти две задачи как нельзя лучше согласуются одна с другой; больше того: ни одна из них не достижима отдельно от другой. Уголовное законодательство предназначено не только оградить общество от внутреннего врага, но еще и

развить чувство справедливости. С этой точки зрения следует рассматривать все виды наказания, и самую смертную казнь, которая ни в коем случае не есть возмездие, а лишь грозное поучение, действительность которого, к сожалению, весьма сомнительна.

134

Как всем известно, христианство с самого возникновения своего подвергалось живейшим нападкам и только путем отчаянной, страстной сознательной борьбы возвысилось до господства над миром. И все же нашлись в наше время люди, которые в религии Христа усматривают не что иное, как миф. Между тем видано ли, чтобы миф создавался в подобной среде и при таких условиях? Правда, указывают, что христианская легенда явилась на свет не в образованных слоях среди евреев, а среди населения невежественного и весьма склонного воспринимать самые нелепые верования. Но это совсем неверно: мы видим, напротив, что христианство с первого же века поднимается до общественных верхов и немедленно упрочивается среди самых выдающихся умов. Другие уверяют нас, будто христианство просто-напросто еврейская секта, будто все его нравственное учение заключается в Ветхом завете, что Иисус Христос присоединил к этому лишь несколько идей, имевших более общее распространение в его время. Надо признать, что эта последняя точка зрения, как она ни отлична от христианской, вносит нечто такое, что может до некоторой степени удовлетворить если не положительное христианство, то по крайней мере христианство рассудочное. В самом деле, было ли это простым человеческим действием – придать жизнь, действительность и власть всем этим разрозненным и бессильным истинам, разрушить мир, создать другой, соорудить из всей груды разрозненных идей, разнообразных учений однородное целое, единое стройное учение победоносной силы, чреватое бесчисленными последствиями и заключающее в себе основу беспредельного движения вперед? И выразить всю совокупность рассеянных в мире нравственных истин на языке, доступном всем сознаниям, и, наконец, сделать добро и правду осуществимыми для каждого? Удивительное дело! Даже и низведенное до этих ничтожных размеров, великое явление христианства еще в такой степени носит на себе печать независимого действия высшего разума, что не может быть объяснено приемами человеческой логики, какие бы логические измышления при этом ни пускались в ход.

135

Есть три непобедимые вещи: гений, доблесть, рождение.

136

Неудовлетворительность философских приемов особенно ясно обнаруживается при этнографическом изучении языков. Разве не очевидно, что ни наблюдение, ни анализ, ни индукция нисколько не участвовали в создании этих великих орудий человеческого разума? Никто не может сказать, при помощи каких приемов народ создал свой язык. Но несомненно, что это не был ни один из тех приемов, к которым мы прибегаем при наших логических построениях. Это был лишь синтез от начала до конца. Нельзя себе представить ничего остроумнее, ничего глубже различных сочетаний, которые народ применяет на заре своей жизни для выражения тех идей, которые его занимают и которые ему нужно бросить в жизнь, и вместе с тем нет ничего более таинственного. Сверх того, первобытный человеческий язык несомненно явился на свет разом, и это по той простой причине, что без слов нельзя мыслить. Но вот как образовались эти группы, эти семьи наречий, на которые распадается ныне мир, – наши философы-лингвисты никогда не смогут это объяснить. А именно в этих поразительных явлениях таинственно заключены самые творческие приемы человеческого разума, т. е. именно те, которые было бы всего важнее изучить.

137

Вы ведь хотите быть счастливыми. Так думайте как можно меньше о собственном благополучии, заботьтесь о чужом; можно биться об заклад, тысяча против одного, что вы достигнете высших пределов счастья, какие только возможны.

138

Как известно, по Канту, работа разума сводится к некоей постоянной проверке собственных наших восприятий: по его мнению, мы знаем и наблюдаем только нас самих, поэтому мы можем воздействовать только на самих себя. Ясно, что человеческий разум не мог на этом остановиться, как не мог он несколько позднее довольствоваться и точкой зрения Фихте, в сущности составляющей чрезмерное развитие той же критической философии. Впрочем, это возвеличивание своего «Я», начатое Кантом и завершенное Фихте, должно было неизбежно погрузить человеческий разум в своего рода ужас и заставить его отшатнуться от необходимости в будущем раз и навсегда рассчитывать на одни только свои единичные силы; поневоле человеческому разуму пришлось искать убежища в «абсолютном тождестве» Шеллинга, искать помощи и содействия в чем-то вне самого себя, в чем-то таком, что не есть он сам. К несчастью, разум обратился к природе, и, к еще большему несчастью, он, в конце концов, слился с природой. Вот в каком он сейчас положении, несмотря на работу спекулятивной философии, несмотря на все те более или менее осторожные оговорки, которые она пытается установить. Остается теперь, воспользовавшись все же завоеванием человеческого разума, вернуть его к подножию вечного. Таково предназначение философии наших дней, и, как нам кажется, она его недурно выполняет, хотя, может быть, и не отдает себе отчета во всем значении своей работы.

139

Бессильный враг – наш лучший друг; завистливый друг – злейший из наших врагов.

140

Спор о человеческих расах стал для нас злободневным вопросом с тех пор, как мы принялись создавать для себя новую народность. Точка зрения этой идеи весьма любопытна. Вся философия истории сводится у них к физиологической классификации великих семейств человечества; отсюда делают несколько неожиданные выводы о социальном развитии человечества, движении человеческого разума, о будущем мира. А так как все идеи, как бы они ни были отвлечены, в наши дни окрашиваются своего рода материальной актуальностью, то и эти идеи отвечают на известные запросы дня и вступают отчасти в область политики. К сожалению, вся эта работа совершается вдали от великих очагов цивилизации, источников плодотворных мыслей. Успех этой своеобразной революции в пользу расы, которая являлась до сих пор на мировой арене лишь в пассивных ролях, пока довольно сомнителен. Но как бы то ни было, это интересное и немаловажное явление для дальнейшего хода просвещения, поэтому следует обратить на него внимание основательных умов и постараться его охарактеризовать.

141

Что расы существуют, в этом никто не сомневается; что они внесли во всю совокупность знания на земле свои необходимые начала, никто не станет оспаривать; но как только что выяснено, сейчас дело этим не ограничивается; вопрос в том, должны ли они сохраниться навсегда; следует ли стремиться к общему слиянию всех народов или же надлежит монголу навсегда оставаться монголом, малайцу – малайцем, негру – негром, славянину – славянином? Словом, следует ли идти вперед по пути, начертанному Евангелием, которое не знает рас помимо одной человеческой, или же следует обратить человечество вспять, вернуть его к исходной точке, на которой оно стояло в то время, когда слово человечность еще не было изобретено, т. е. следует ли вернуться к язычеству? Дело, по существу, в том, что вся эта философия своей колокольни, которая занята разбивкой народов по загородкам на основании френологических и филологических признаков, только питает национальную вражду, создает новые рогатки между странами, она стремится совсем к другим целям, а не к тому, чтобы создать из человеческого рода один народ братьев.

142

Реальное, без сомнения, не есть материальное, потому что всякая верная мысль становится более или менее реальной вне зависимости от того, воплотилась ли она в материю; но вместе с тем не следует забывать, что совершенно реальное, как таковое, обладает свойством осуществляться и материально, потому что всякая совершенная реальность заключает в себе и форму, в которой она должна явиться на свет. Так это бывает по отношению к любой математической аксиоме, ко всякой абсолютной истине; так обстояло дело и с истиной христианской, пока она еще не обнаружилась в мире, и, наконец, так обстоит дело и с царствием Божиим, совершенной реальностью, пока еще не материализованной.

143

Вы имеете форму познания и его содержание; факт субъективный и факт объективный; Я и не-Я, приходится согласовать все это. Все философские системы пытались этого достигнуть, порой более или менее сознательно относясь к этой задаче, порой не осознавая ее; философия наших дней действует с полным сознанием поставленной перед собой цели, и в этом и заключается ее отличие по сравнению со всеми прежними системами.

144

Без слепой веры в отвлеченное совершенство невозможно шагу ступить по пути к совершенству, осуществляемому на деле. Только поверив в недостижимое благо, мы можем приблизиться к благу достижимому. Без этой светящейся точки, которая сияет впереди нас в отдалении, мы шагу не могли бы ступить среди глубокой окружающей нас тьмы. Всякий раз, когда этот блестящий светоч затмевался, приходилось останавливаться и выжидать его появления на беспросветном небосклоне. На пути, ведущем к абсолютному совершенству, расположены все те маленькие совершенства, на которые могут притязать люди.

3

145

Позволительно, думаю я, всякому честному русскому, искренне любящему свое отечество, в этот решающий час слегка досадовать на тех, кто влиянием своим, прямым или косвенным, толкнул его на эту гибельную войну, кто не учел ее нравственных и материальных ресурсов и свои теории принял за истинную политику страны, свои незавершенные изыскания – за подлинное национальное чувство, кто, наконец, преждевременно воспел победные гимны и ввел в заблуждение общественное мнение, когда еще не поздно остановиться на том скользком пути, по которому увлекло страну легкомыслие или бездарность.

146

Позволительно, думаю я, пред лицом наших бедствий не разделять стремлений разнузданного патриотизма, который привел страну на край гибели и который думает вывести ее из беды, упорствуя в своих иллюзиях, не желая признавать отчаянного положения, им же созданного.

147

Позволительно, думаю я, надеяться, что, если провидение призывает народ к великим судьбам, оно в то же время пошлет ему и средства свершить их: из лоно его восстанут тогда великие умы, которые укажут ему путь; весь народ озарится тогда ярким светом знаний и выйдет из-под власти бездарных вождей, возмнивших о себе, праздных умников, упоенных успехами в салонах и кружках.

148

Позволительно, думаю я, всякому истинно русскому, предпочитающему благо

своей страны торжеству нескольких модных идей, позволительно ему заметить, что во всем мире есть только две страны, обремененные национальной партией; одна из этих стран накануне исчезновения с мировой арены; другой грозит потеря положения первостепенной державы, плода благородных и настойчивых усилий мудрости и мужества.

150

Слава богу, я ни стихами, ни прозой не содействовал совращению своего отечества с верного пути.

151

Слава богу, я не произнес ни одного слова, которое могло бы ввести в заблуждение общественное мнение.

152

Слава богу, я всегда любил свое отечество в его интересах, а не в своих собственных.

153

Слава богу, я не заблуждался относительно нравственных и материальных ресурсов своей страны.

154

Слава богу, я не принимал отвлеченных систем и теорий за благо своей родины.

155

Слава богу, успехи в салонах и в кружках я не ставил выше того, что считал истинным благом своего отечества.

156

Слава богу, я не мирился с предрассудками и суеверием, дабы сохранить блага общественного положения – плода невежественного пристрастия к нескольким модным идеям.

157

Как вы думаете, не должен ли был тридцатилетний гнет со стороны правительства, жестокого и упорного в своих воззрениях и поступках, развратить ум народа, который его не особенно упражнял?

158

Воображают, что имеют дело с Францией, с Англией. Вздор, мы имеем дело с цивилизацией в ее целом, а не только с ее результатами, но с ней самой, как с орудием, как с верованиями, с цивилизацией, применяемой, развиваемой, усовершенствованной тысячами трудами и усилиями. Вот с чем мы имеем дело, мы, которые живем лишь со вчерашнего дня, мы, ни один орган которых, в том числе даже и память, достаточно не упражнялся и не развивался.

159

Ни характером англичан, ни их мудростью не создан английский народ; он создан их историей; не будучи таким, каков он есть, естественно, что он

Чаадаев П. Отрывки и афоризмы filosoff.org
считает себя более мудрым, чем другие народы; не английская раса привилегированная раса, но Англия привилегированная страна, и история ее – сплошная удача от начала до конца. Не английский народ дал себе свою конституцию, ее урвали норманнские бароны у своих норманнских королей. Старые учреждения Альфреда ни к чему бы не привели, если бы не меч феодального барона. Говорили прежде, что учреждения создают народы, теперь говорят, что народы создают учреждения. И то и другое верно. Но нужно принять во внимание хронологию фактов. Сперва история создает учреждения, затем народы, воспитанные своими учреждениями, продолжают дело истории, завершают или искажают его, в зависимости от того, насколько они счастливо одарены. Таков естественный ход общественного развития. Делить народы на расы привилегированные или расы отверженные бессмысленно.

160

Среди причин, затормозивших наше умственное развитие и наложивших на него особый отпечаток, следует отметить две: во-первых, отсутствие тех центров, тех очагов, в которых сосредоточивались бы живые силы страны, где созревала бы идея, откуда по всей поверхности земли излучалось бы плодотворное начало; а во-вторых, отсутствие тех знамен, вокруг которых могли бы объединяться тесно сплоченные и внушительные массы умов. Появится неизвестно откуда идея, занесенная каким-то случайным ветром, как пробьется через всякого рода преграды, начнет незаметно просачиваться через умы и вдруг в один прекрасный день испарится или же забьется в какой-нибудь темный угол национального сознания, чтобы затем уж более не всплывать на поверхность: таково у нас движение идей. Всякий народ несет в самом себе то особое начало, которое накладывает свой отпечаток на его социальную жизнь, которое направляет его путь на протяжении веков и определяет его место среди человечества; это образующее начало у нас – элемент географический, вот чего не хотят понять; вся наша история – продукт природы того необъятного края, который достался нам в удел. Это она рассеяла нас во всех направлениях и разбросала в пространстве с первых же дней нашего существования; она внушила нам слепую покорность силе вещей, всякой власти, провозглашавшей себя нашим же владыкой. В такой среде нет места для правильного повседневного обращения умов между собой; в этой полной обособленности отдельных сознаний нет места для логического развития мысли, для непосредственного порыва души к возможному улучшению, нет места для сочувствия людей между собой, связывающего их в тесно сплоченные огромные союзы, перед которыми неизбежно должны склониться все материальные силы; словом, мы лишь геологический продукт обширных пространств, куда забросила нас какая-то неведомая центробежная сила, лишь любопытная страница физической географии. Вот почему, насколько велико в мире наше материальное значение, настолько ничтожно все значение нашей силы нравственной. Мы важнейший фактор в политике и последний из факторов жизни духовной. Однако эта физиология страны, несомненно столь невыгодная в настоящем, в будущем может представить большие преимущества, и, закрывая глаза на первые, рискуешь лишиться себя последних.

161

Причина и действие не разнородны; начало и следствие – одно целое. Одно не может существовать без другого, ибо начало таково, только поскольку оно производит такое-то действие или порождает такую-то вещь. В индивидууме часто преобладает та или другая сторона, только во вселенной, в совокупности вещей субъект и объект совершенно сливаются, тождество полное. Такова система Шеллинга. Раз не-Я признано и допущено его действие на мое Я, спрашивается, нет ли в не-Я чего-то, что по отношению к самому себе тоже есть Я, и если это нечто действительно существует, то какова его природа и каково его действие на первичное Я. Такова проблема, поставленная Фихте. Движение человеческого ума не что иное, как последовательное рассуждение. Достигнув конечного предела этого универсального рассуждения, человеческий разум достигнет полной своей мощи. Гегель.

161-а

В первой части своей системы, или, вернее, в первый период своей философской деятельности, Фихте утверждал, что в мире нет ничего реального, кроме познания, а так как всякое познание заключается в Я, то в

Чаадаев П. Отрывки и афоризмы filosoff.org
действительности ничего не существует помимо Я. Ему возражали, что знание, естественно, предполагает познаваемый предмет, следовательно, существует еще нечто помимо Я и познания. Впоследствии Фихте отказался от прежней теории, не признаваясь, однако, в этом открыто, а быть может, не вполне отдавая в этом отчет и самому себе, ибо он никогда не переставал рассматривать свою новую точку зрения лишь как вывод из первой. Как бы то ни было, для того, чтобы правильно судить об учении Фихте, нужно придерживаться только того, что мы предпочитаем называть второй его манерой, рассматривая первую часть его системы лишь как предварительные опыты, как глубокий анализ природы Я или субъекта, опыт, принадлежащий истории.

162

Думаете ли вы, что для Европы и для самой России было бы полезно, чтобы эта последняя стала вершителем судеб мира?

163

Другой вопрос. Что должна была выбрать Европа: сохранение Турции или всемогущество России?

164

Что такое эта война? Семейная ссора между истинно верующими.

165

Жаль, что наши бедные славяне прогуляли третье отделение[1]

166

Я согласен с мнением архиепископа Иннокентия и не сомневаюсь в том, что скипетр мировой власти останется в руках русского императора; меня удивляет только одно: почему святой отец не изобразил нам картины того благоденствия, которым будет наслаждаться мир под эгидой этой отеческой власти.

167

Известно, что Шеллинг считается лишь продолжателем Спинозы, развившим его учение и придавшим окончательный облик современному пантеизму. Нет сомнения, что, с его точки зрения, действенные силы природы только утверждают себя, проявляя свое действие в мире, и что поэтому природные явления приравниваются как бы к логическим операциям, а не вещественным фактам. Из этого, однако, не следует, что при таком взгляде на физические силы вселенной природа превращается в разум, а отсюда вообще еще далеко до пантеизма. В сущности, это не что иное, как философская фразеология, налагаемая на нас бессилием человеческого языка и потребностью нашего разума все свести к идее единства, идее, под вдохновением которой, как известно, была сформулирована вся эта система. Идеалист объясняет природу на языке спиритуализма, вот и все, но отсюда не следует, что он видит повсюду Дух и Идею. За каждым явлением природы он видит акт духа, но этот акт духа, по его мысли, всегда остается отличным от явления. Вы рассуждаете, вы вычисляете, – говорит он, и вы приходите к известным логическим выводам, реальное осуществление которых зависит только от вас; вы встречаетесь затем в природе с фактами, которые соответствуют этим выводам и которые, как вам известно, являются результатом аналогичных актов; вы заключаете из этого, что между природой и вашим разумом существует тождество. Вот исходный пункт этого учения. Но, очевидно, здесь речь идет не о самой природе, но о силе, определяющей движение материи, совокупностью которых только и является природа. Но пребывает ли эта сила в недрах самой природы или вне ее, этого идеалист не знает; более того, у него нет никакого основания предполагать, что она пребывает скорее в природе, чем где-либо вне ее. Он, впрочем, прекрасно знает, что те приемы,

которыми пользуется человеческий разум, не заимствованы им из мира физического, что он нашел их в самом себе, что поэтому их тождество с приемами, применяемыми природой, не есть результат присутствия природы или действия, оказываемого ею на наш ум, но что это первичный факт, т. е. что тут просто два разума, действующие независимо друг от друга, но тождественно, две силы раздельные, но одного порядка. Поэтому, с его точки зрения, тождественны между собой не мысль и природа, но один управляющий ими закон, который проявляется известным образом в природе и иначе в разумном существе. Одно из его проявлений знакомо нам по голосу нашего сознания, другое – путем наблюдения; эти два рода знаний взаимно дополняют друг друга, современное же знание, естественно, знание общее и всемирное. Особым законам природы соответствуют частные законы логики и мышления; никогда нет противоречия между тем, что совершается внутри и вне нас, если только мы, злоупотребляя своей свободой, не исказим своего суждения, ибо всякому, как известно, мыслящему существу предоставлено право и возможность заблуждаться, равно как и познавать; наконец, подлинное тождество существует не между нашим разумом и природой, но между нашим разумом и другим разумом. Вот как нужно понимать теорию абсолютного тождества.

168

Теория Фихте подвергалась нападкам такого же рода. Утверждали, будто он ведет к нигилизму, т. е. к логическому упразднению внешнего мира, но это совсем неверно. Фихте имел в виду только теорию познания (*Wissenschaftslehre*), поэтому совершенно естественно, что он придал своему Я, т. е. познающему, высшую возможную абсолютность, ибо всякое познание от него исходит и в нем, естественно, и завершается; но неверно, как, например, утверждал Якоби, будто он хотел вознести наше Я и поставить его над развалинами мира и бога. Его построение не завершено, вот и все. Почитайте только его посмертные труды, и вы убедитесь, как далек он был от отрицания существования внешнего мира. Для него речь шла только о познании, поэтому ему нужно было определить природу последнего; отсюда вытекает субъективизм его философии и огромное значение, приписываемое им деятельности нашего разума, которая, если хотите, логически поглощает в себе всякую иную деятельность, даже деятельность бога, но только в порядке предварительного приема. Если бы он дошел до рассмотрения объекта, он, несомненно, отдал бы и ему должное. Чтобы построить учение о Я, что, по-моему, он сделал мастерски, он придал этому Я преувеличенные размеры и поставил его в центр творения. Вот и все, в чем его можно упрекнуть.

169

Христианская религия исходила из идеи, но по самой природе своей она должна была на время отказаться от своего основного начала и утвердиться на деле; отсюда неизбежные ее поражения. В настоящее время христианская религия утвердилась фактически, и она явно стремится вновь возвыситься до чистой своей идеи. Такова основная черта того религиозного движения, которого мы являемся свидетелями. Это, конечно, не значит, что христианство должно совершенно отрешиться от факта и пребывать отныне лишь в сфере отвлеченной мысли. Придет время, и оно не за горами, когда действительность и идея составят одно и то же и будут поглощены жизнью, и жизнь, обнимая и ту и другую, в последней своей фазе должна будет естественно включать их в высшей мере.

Но до наступления этого последнего периода великой эволюции духа, безостановочно шествующего вперед на протяжении веков, должен еще совершиться поворот в сторону основного начала христианства, и это начало должно явиться в новом блеске, в новой силе.

170

До перехода к новым вопросам, которые нам надлежит исследовать, вернемся несколько назад и остановимся мысленно на том, что можно считать точкой отправления автора, а именно на установленном им различии между объектами веры и объектами чистого разума. Затем нам останется рассмотреть его теорию двух законов, одного раскрытого через откровение и другого, который он именуется выработанным.

171

И прежде всего, когда он говорит: вера, он, очевидно, имеет в виду только веру религиозную. Между тем, по-моему, это точка зрения совершенно не философская. Есть вещи, которые могут быть постигаемыми лишь посредством веры, т. е. для того, чтобы их понять, нужно предварительно в них поверить; есть другие, которые могут быть постигаемы лишь как догмат веры, а это значит, что, раз вы их поняли, они тем самым уже становятся вашими верованиями. Говоря языком философии, вера – не что иное, как момент или период человеческого знания, не более того. Относить науку и религию к двум совершенно различным областям и притом делать это искренне, без задней мысли – значит возвращаться к схоластике, к эпохе, предшествующей Абельяру, т. е. совершать анахронизм на девять столетий, ни более ни менее. Я прекрасно понимаю того богослова-догматика, который еще в наши дни не выходит из старой семинарской колеи, для которого мир не шагнул вперед со времен Алкуина, ибо догмат по природе своей неподвижен и неподатлив; прислужнику догмата поэтому дозволено оставаться вечно пригвожденным к своему обязательному верованию, но, признаюсь, я не могу понять того писателя, который, стремясь прослыть современным умом, в то же время рассматривает религию как неприкосновенную область, куда уму разрешено проникнуть лишь под условием самоупражнения. Кому же в наше время неизвестно, что вера – один из самых мощных и самых плодотворных факторов мышления; что порой вера приводит к знанию, а порой знание – к вере; что поэтому между ними не существует резко очерченных границ; что знание всегда предполагает известную долю веры точно так же, как вера всегда предполагает известную долю знания; что на дне веры по необходимости есть знание точно так же, как на дне знания по необходимости есть вера; наконец, что мы не можем постигнуть предмет, не веря в него так или иначе, точно так же, как мы не можем верить во что-либо, если мы в известной мере этого не постигаем.

172

Каковы, впрочем, естественные основы философии? Я и не-я, мир внутренний и мир внешний, субъект и объект. Признаете ли вы эти первичные факты или нет, вы все равно не можете серьезно заниматься философией, не исходя из них. Между тем что такое для нас факты, которые, разумеется, не могут быть ни доказаны сами по себе, ни выведены из факта предшествующего? Предметы веры. Затем, когда философская работа завершена и вы добились какой-то достоверности, какова логическая форма, в которую в вашем уме облекается эта достоверность? Форма верования, налагаемого на вас вашим же разумом. Мы не можем выйти из этого круга, не разбившись о замыкающие его грани; вне их безграничное сомнение, полнейшее неведение, небытие. Поэтому устранять веру из философии – не значит ли это уничтожить самую философию, не значит ли это самую работу мысли сделать несущественной, более того: не значит ли это свести на нет самое начало разума?

173

Заметьте, что человеческий ум во все времена принимал некоторые истины как предметы веры, как истины априорные, элементарные, без которых нельзя представить себе ни одного акта разума, истины, которые, следовательно, предшествуют собственному движению разума и, в известном смысле, соответствуют той силе вернее, которая некогда потрясла инертную материю и раскидала миры в пространстве. Долго разум человеческий жил этими истинами, долго они его удовлетворяли; но затем его собственное развитие привело его к новым истинам, и эти истины, в свою очередь, превратились в верования. Таков естественный ход умственного развития. Вера стоит в начале и конце пути, пройденного человеческим разумом как в отдельном индивидууме, так и в человечестве в целом. Прежде чем знать, он верит, а после того, как узнает, он опять верит. Всегда он от веры исходит, чтобы к ней вернуться. Не совершаете ли вы двадцать раз в день акт веры, хотя религия тут ни при чем? Как же вы хотите внести многообразные верования человеческого разума в единую сферу религиозного чувства? Это невозможно. Переходим к другой теории.

174

Что такое закон? Начало, в силу которого совершается или должно совершиться явление на своем пути к возможному совершенству. Следовательно, всякий закон предсуществует; мы можем его только знать или не знать, но знаем мы его или нет, он тем не менее существует и тем не менее действует в соответствующей ему области; нельзя достаточно повторять то, что в порядке нравственном или в царстве свободы, точно так же, как в порядке материальном или в области неизбежного, все совершается согласно закону, знаем ли мы его или не знаем, с той только разницей, что, если мы знаем первый закон, мы должны сообразоваться с ним, так как это закон нашего бытия и условие нашего движения вперед; если же мы знаем второй закон, нам приходится применять его к своим потребностям или в форме поучения, или в форме материального использования. Что касается познания закона, мы можем приобрести его различными путями: посредством деятельности отдельного индивидуального разума, непосредственным актом высшего разума, проявляющегося в разуме человека, или через медленное поступательное движение всемирного разума на протяжении веков; но ни в одном из возможных случаев мы не можем ни изобрести, ни создать самый закон. Всякий закон, если он справедлив или истинен – и только в таком случае он заслуживает название закона, – предвечно существовал в божественном разуме. Настанет день, когда человек познает его; закон так или иначе раскрывается ему, западает в его сознание, тогда законодатель человеческий встречается с законодателем высшим, и с той поры закон становится для него законом мира. Таково происхождение всех наших законодательств – политических, нравственных и иных. Можно, конечно, с точки зрения социальной допустить фикцию законодательной власти, принадлежащей человеку, но с точки зрения общей философии такая фикция недопустима. Человек может, конечно, под давлением властной необходимости распространить на самого себя и на своих ближних законодательство, но при этом он должен понимать, что все законы, которые он на досуге сочиняет и включает в различные свои кодексы, будь то закон положительный, закон гражданский или уголовный, что все эти законы таковы, только поскольку они совпадают с законами предшествующими, которые, по словам Цицерона, не представляют ни выдумку человеческого ума, ни волю народов, но нечто вечное; в силу этих предвечных законов общества живут и действуют. Безразлично, сознают ли они или нет действие, на них оказываемое; человек должен знать, что, когда законы, которые, по его мнению, он сам себе дал, кажутся ему дурными или ложными, это значит одно: или они противоречат законам истинным, или же это вовсе не законы, ибо, повторяю, законы творим не мы, скорее они нас творят, но мы можем принять за закон то, что вовсе не есть закон; так мы и поступаем, и это относится и к физической, и к нравственной области. Наконец, закон есть причина, а не действие, поэтому считать его плодом человеческого разума – не значит ли ошибаться насчет самой идеи закона? А тогда я вас спрашиваю, что такое представляет собой закон выработанный, закон, который вчера еще не существовал, который существует лишь с сегодняшнего дня и, следовательно, мог бы и вовсе не существовать? Этого понять нельзя.

175

Впрочем, вот, по-моему, самый правильный взгляд на вопрос. С объективной точки зрения существует два закона: закон мира физического и закон мира нравственного. Первый имеет целью сохранение жизни физических существ и природы, являющейся их совокупностью, второй – сохранение жизни разумных существ и человеческого общества, являющегося совокупностью этих существ, и все это в соответствии со свойствами каждого существа или каждого порядка существ в отдельности. Но ясно, что на самом деле эти два закона составляют единый закон, который, рассматриваемый объективно, действует совершенно тождественно в той и другой области. Этот универсальный закон – закон жизни или закон бытия; совершенно очевидно, что он не подлежит ни развитию, ни выработке. Развивается, вырабатывается жизнь, бытие, закон – остается неизменным. Человек может, конечно, в силу своей разумной и свободной природы, не постигать законов этой природы, или знать их в той или другой степени совершенно, или же, зная закон, не подчиняться ему. Но тем не менее закон пребывает всегда неизменным, и так же неизменно действие его на человека. Прогресс человеческого разума состоит не в том, чтобы налагать на мир законы собственного изобретения, а в том, чтобы непрестанно приближаться к более совершенному познанию тех законов, которые миром управляют. Человек не вырабатывает тех законов, которые первоначально были преподаны ему творцом, но по мере своего поступательного движения во времени открывает новые законы, ему неизвестные; он научается лучше понимать те, которые ему уже известны, и находить для них новое применение.

Так, например, знание закона, раскрытого в откровении, с каждым днем все более и более распространяется среди людей, тогда как самый закон не вырабатывается и не развивается, а среди всех тех новых сил, которые он ежедневно порождает для удовлетворения возрастающих потребностей человечества, он сам остается неизблемым и тем же, каким некогда вышел из лона божественного разума.

176

Думаю я, можно сказать, что способность к творчеству была дарована человеку только в области искусства; вот где настоящая область его творчества, единственный мир, в котором ему дано из небытия создавать нечто реальное, вызывать жизнь актом воли. Вне этого мы можем лишь искать и подчас находить реальное. Однако при всей беспредельности нашей творческой мощи в искусстве оно все же подчинено и здесь некоторым началам, которые тоже не нами изобретены, которые существовали ранее всего нашего творчества, которые, как все вечные истины, воздействовали на нас задолго до того, как мы их осознали. Идея красоты не была порождением человека, как и всякая другая истинная идея, он нашел ее запечатленной во всем творении, разлитой вокруг него в тысячах разнообразных форм, отраженной неизреченными чертами на каждом предмете в природе; он постиг ее, присвоил себе, и из этого благодатного начала он излил на мир все то множество творческих произведений, то возвышенных, то чарующих, которыми он населил мир фантазии, которыми украсил поверхность земли.

177

В заключение уместно будет заметить, что все только что сказанное говорилось и повторялось тысячу раз всеми серьезными умами века, но весьма естественно – мы ничего об этом не знаем: хронология Европы чужда нам, мы присутствуем при жизни нашего века, но не участвуем в ней. Не будем заблуждаться: наша роль в мире, как бы значительна она ни была, как бы ни была славна, – роль донны лишь политическая; и до движения идей в собственном смысле слова нам еще нет дела. К тому же из тех излучений научной мысли, которые случайно заносят на наши отдаленные прибрежья дуновения Запада, сколько сбившихся с пути, сколько застывших под леденящим дыханием севера. Как бы то ни было, надо признать, что безотрадное зрелище представляет у нас выдающийся ум, бьющийся между стремлением предвосхитить слишком медленное поступательное движение человечества, как это всегда представляется избранным душам, и убожеством младенческой цивилизации, не затронутой еще серьезной наукой, ум, который, таким образом, поневоле кинут во власть всякого рода причуд воображения, честолюбивых замыслов и иногда, приходится это признать, и глубоких заблуждений.

178

Человек очень редко сознает творимое им добро, часто ему ничего не стоит поступок, который со стороны представляется подвигом сверхчеловеческой доблести. В наших действиях, по видимости самых героических, нередко всего меньше бескорыстия. Далеко не единственным побуждением к великодушным поступкам нашим служит сочувствие бедствиям ближнего; обычно побуждением служит простое желание напрячь деятельные способности души, испытать свою силу. Та же потребность подвергнуть себя без нужды какой-либо опасности в других случаях побуждает нас рисковать жизнью для спасения одного из нам подобных. Опасность имеет свою прелесть; мужество не только добродетель, оно в то же время и счастье. Человек создан так, что величайшее наслаждение из всех, ему дарованных, он испытывает, делая добро, – чудесный замысел провидения, пользующегося человеком как орудием для достижения своей цели – величайшего возможного блаженства всех созданных им существ.

181

Не будут, думаю, оспаривать, что логический аппарат самого ученого мандарина небесной империи функционирует несколько иначе, чем логический аппарат берлинского профессора. Как же вы хотите, чтобы ум целого народа, который не испытал на себе влияния ни преданий древнего мира, ни религиозной иерархии с ее борьбой против светской власти, ни схоластической

Чаадаев П. Отрывки и афоризмы filosoff.org
философии, ни феодализма с его рыцарством, ни протестантизма, словом, ничего того, что более всего воздействовало на умы на Западе, как хотите вы, чтобы ум этого народа был построен точь-в-точь, как умы тех, кто всегда жил, кто вырос и кто теперь еще живет под влиянием всех этих факторов? Конечно, и среди нас, независимо от этой преемственности мыслей и чувств, могло появиться несколько гениальных людей, несколько избранных душ, но тем не менее нельзя не пожалеть о том, что в мировом историческом распорядке нация в целом оказалась обездоленной и лишенной всех этих предпосылок. На нас, без сомнения, очень сильно сказалось нравственное влияние христианства; что же касается его логического действия, нельзя не признать, что оно было в нашей стране почти равно нулю. Прибавим, что это один из интереснейших вопросов, которым должна будет заняться философия нашей истории в тот день, когда она явится на свет.

183

Есть люди, которые говорят вам, что между христианством и общественным порядком нет ничего общего; что христианство ничего не сделало для общества, что оно ничего и не должно было для него делать, что оно обращается лишь к отдельной личности, что блага, им обещанные, относятся только к будущей жизни. Действительно, научило ли оно людей чему-либо такому, что имело бы отношение к их благополучию в здешнем мире? Ничему оно не научило только потому, что они братья, вот и все.

184

Нужно признать, что есть такая любовь к отечеству, на которую способно существо самое гнусное: пример г-на В. Прежде всего ты обязан своей родине, как и своим друзьям, правдой.

186

Допускаете ли вы несколько видов цивилизации?

187

Думаете ли вы, что такая страна, которая в ту самую минуту, когда она призвана взять в свои руки принадлежащее ей по праву будущее, сбивается с истинного пути настолько, что выпускает это будущее из своих неумелых рук, достойна этого будущего?

188

Думаете ли вы, что на место старого Востока, каким создали его история и основное свойство человеческого ума, может встать новый Восток, христианский?

190

Прошло не более полувека с тех пор, как русские государи перестали целыми тысячами раздавать своим придворным поселянам государственные земли. Каким же образом, скажите, могли зародиться хотя бы самые элементарные понятия справедливости, права, какой-либо законности под управлением власти, которая со дня на день могла превратить в рабов целое население свободных людей? Благодаря либеральному государю, который появился среди нас, благодаря великодушному победителю, которого мы окружили своей любовью, в России уже не применяется это отвратительное злоупотребление самодержавной власти в самом зловредном для народа ее проявлении, в развращении их общественного сознания, но уже наличие рабства, в том виде, в каком оно у нас создано, продолжает все омрачать, все осквернять и все развращать в нашем отечестве. Никто не может избежать рокового его действия, и менее всего, быть может, сам государь. С колыбели он окружен людьми, которые владеют себе подобными, или же теми, отцы которых были сами рабами, и дыхание рабства проникает сквозь все поры его существа и тем более влияет на его сознание, чем более он себя считает огражденным от него. Было бы

притом большим заблуждением думать, будто влияние рабства распространяется лишь на ту несчастную, обездоленную часть населения, которая несет его тяжелый гнет; совершенно наоборот, изучать надо влияние его на те классы, которые извлекают из него выгоду. Благодаря своим верованиям, по преимуществу аскетическим, благодаря темпераменту расы, мало пекущейся о лучшем будущем, ничем не обеспеченном, наконец, благодаря тем расстояниям, которые часто отделяют его от его господина, русский крепостной достоин сожаления не в той степени, как это можно было бы думать. Его настоящее положение к тому же лишь естественное следствие его положения в прошлом. В рабство обратило его не насилие завоевателя, а естественный ход вещей, раскрывающийся в глубине его внутренней жизни, его религиозных чувств, его характера. Вы требуете доказательства? Посмотрите на свободного человека в России! Между ним и крепостным нет никакой видимой разницы. Я даже нахожу, что в покорном виде последнего есть что-то более достойное, более покойное, чем в озабоченном и смутном взгляде первого. Дело в том, что между русским рабством и тем, которое существовало и еще существует в других странах света, нет ничего общего. В том виде, в каком мы его знаем в древности, или в том, в каком видим в Соединенных Штатах Америки, оно имело лишь те последствия, какие естественно вытекают из этого омерзительного учреждения: бедствие раба, развращение владельца, между тем как в России влияние рабства неизмеримо шире.

191

Мы только что говорили, что, хотя русский крепостной – раб в полном смысле слова, он, однако, с внешней стороны не несет на себе отпечатка рабства. Ни по правам своим, ни в общественном мнении, ни по расовым отличиям он не выделяется из других классов общества; в доме своего господина он разделяет труд человека свободного, в деревне он живет вперемежку с крестьянами свободных общин; всюду он смешивается со свободными подданными империи безо всякого видимого отличия. В России все носит печать рабства – нравы, стремления, просвещение и даже вплоть до самой свободы, если только последняя может существовать в этой среде.

192

Чем больше думаешь, тем больше убеждаешься, что у нас в настоящее время совершается нечто необычное. Это нечто, не дошедшее еще до состояния простой идеи, ибо оно не нашло еще своего четкого выражения, тем не менее заключает в себе огромной важности социальный вопрос. Дело касается не пустяка: приходится решить, может ли народ, раз сознавший, что он в течение века шел по ложному пути, в один прекрасный день простым актом сознательной воли вернуться по пройденному следу, порвать с ходом своего развития, начать его сызнова, воссоединить порванную нить своей жизни на том самом месте, где она некогда, не очень-то ясно, каким образом, оборвалась. А между тем приходится сознаться, что мы накануне если не разрешения, то во всяком случае попытки разрешения этой небывалой задачи, накануне такого социального эксперимента, о котором никогда еще не решались мечтать самые смелые утописты в дерзновеннейших своих фантазиях. Слишком смело, конечно, было бы пытаться определить возможный срок этого события, но так как народные чувства плохо подчиняются мировым динамическим законам и так как социальное движение большей частью совершается в зависимости не от размеров самих движущих сил, а от степени бессилия общества, то можно ожидать, что недалек час бурного проявления национального чувства, по крайней мере в образованной части общества. Вы думаете, быть может, что нам угрожает революция на манер западноевропейских, – успокойтесь, слава богу, не к этому идет дело. Исходные точки у западного мира и у нас были слишком различны, чтобы мы когда-либо могли прийти к одинаковым результатам. К тому же в русском народе есть что-то неотвратимо неподвижное, безнадежно ненарушимое, а именно – его полное равнодушие к природе той власти, которая им управляет. Ни один народ мира не понял лучше нас знаменитый текст Писания: «нести власти еще не от бога». Установленная власть всегда для нас священна. Как известно, основой нашего социального строя служит семья, поэтому русский народ ничего другого никогда и не способен усматривать во власти, кроме родительского авторитета, применяемого с большей или меньшей суровостью, и только. Всякий государь, каков бы он ни был, для него – батюшка. Мы не говорим, например, я имею право сделать то-то и то-то, мы говорим: это разрешено, а это не разрешено. В нашем представлении не закон карает провинившегося гражданина, а отец наказывает непослушного ребенка.

Наша приверженность к семейному укладу такова, что мы с радостью расточаем права отцовства по отношению ко всякому, от кого зависим. Идея законности, идея права для русского народа бессмыслица, о чем свидетельствует беспорядочная и странная смена наследников престола вслед за царствованием Петра Великого, в особенности же ужасающий эпизод междуцарствия. Очевидно, если бы природе народа свойственно было воспринимать эти идеи, он бы понял, что государь, за которого он проливал кровь, не имел ни малейшего права на престол, а в таком случае ни у первого самозванца, ни у всех остальных не нашлось бы той массы приверженцев, производивших опустошения, ужасавшие даже чужеземные шайки, шедшие вслед за ними. Никакая сила в мире не заставит нас выйти из того круга идей, на котором построена вся наша история, который еще теперь составляет всю поэзию нашего существования, который признает лишь право дарованное и отменяет всякую мысль о праве естественном; и что бы ни совершилось в слоях общества, народ в целом никогда не примет в этом участия; скрестив руки на груди – любимая поза чисто русского человека, – он будет наблюдать происходящее и по привычке встретит именем батюшки своих новых владык, ибо – к чему тут обманывать себя самих – ему снова понадобятся владыки, всякий другой порядок он с презрением или гневом отвергнет.

193

Чего хочет новая школа? Вновь обрести, восстановить национальное начало, которое нация по какой-то рассеянности некогда позволила Петру Великому тайно у себя похитить; начало, вне которого, однако, невозможен для любого народа подлинный прогресс. Сущая истина – и мы первые под этим подписываемся, – что народы, точно так же, как и отдельные личности, не могут ни на шаг продвинуться на пути прогресса или предназначенного им развития, без глубокого чувства своей индивидуальности, без сознания того, что они такое; более того, лишенные этого чувства и этого сознания, они не могли бы и существовать; но это и доказывает ошибочность вашего учения, ибо никогда народ не утрачивал своей национальности, не перестав в то же время существовать; между тем, если я не ошибаюсь, мы как-никак существуем!

194

Когда бесконечный разум принял форму разума конечного, воплотившись в человеке, он, естественно, должен был в новом модусе бытия сохранить свойство своего прежнего существования, он прежде всего должен был сознать. Человек, таким образом, ведет свое начало не от двуногого животного, как это представляют себе материалисты, но от наивного, хотя и неполного, ощущения своей природы. Ум человеческий, значит, никогда не был в состоянии полного неведения по отношению ко всему. Представление более или менее ясное о законе своего бытия явилось у него в тот самый день, когда этот ум сознал, что существует. Не будь это так, он не заключал бы в себе осознания начала своего бытия, он не был бы духовным существом. Но несомненно и то, что в последовательности времен индивидуальный ум, именно в силу своей свободной природы, должен был обособиться, оторваться от всемирного разума, развиваться как субъект, и с этой поры полное непонимание стало неизбежным возвращением индивидуального бытия к бытию всеобщему, восстановлением падшего Я. Эту цель и поставило себе христианство в порядке логическом, что оно и осуществило на деле, поскольку переворот такого рода мог совершиться без нарушения равновесия между различными силами, движущими нравственный мир, без полного нарушения всех законов творения. В этот день, когда на Голгофе была принесена искупительная жертва человека, разум мировой был восстановлен в разуме индивидуальном и на этот раз занял в нем место навсегда. Отныне человеку стало доступно действительное обладание абсолютным добром и абсолютной истиной; перед злом выросла преграда, которую оно не смело переступить; перед добром путь был чист; рассеялась мрачная тень, которую отбрасывала когда-то исполинская личность человека на все предметы его видения, и от него одного зависело отныне жить в истине.

195

Впрочем, через какие бы фазы своего существования человечество доселе ни проходило, в те ли времена, когда оно еще жило на лоне первобытной природы, или когда оно уже шествовало вперед под собственным импульсом, или,

наконец, тогда, когда его развитие творчески определено непосредственным проявлением мирового разума, никогда оно не выходило из сферы сознания; это и есть та среда, в которой протекает всякое человеческое действие; разум есть разум, он может только сознавать; с утра до ночи человек только это и делает, даже ощущения его, по мере их переживания, превращаются в его мозг в восприятие, и это постоянное участие его разумного существа во всем происходящем с его существом физическим и создает в нем единство и делает из него нечто большее, нежели чистое разумение.

195-а

Поэтому мысль того гениального человека, который создал свое учение о науке, была верной мыслью; но никак при этом не следовало забывать, что, если человек ничего не делает помимо сознания (это совершенно справедливо), все же вне его существует нечто такое, что есть предмет его познания, и поэтому для постижения закона самого познания прежде всего надлежит установить отношение между познанием и его предметом. А вот это и не было сделано, занимались только субъектом, т. е. познающим, а до объекта, т. е. познаваемого, не дошли. Система, явившаяся непосредственно после упомянутой, естественно должна была все свое внимание обратить на объект человеческого познания; так в действительности и произошло. Но при этом человек растворялся в природе, во всем; это был пантеизм со всеми его последствиями. Оказалась необходимой новая реакция, при которой я, не отказываясь от своих прав, должно было признать совершившийся синтетический факт и предстать перед лицом вселенной и божества в истине и реальности. Это последняя глава современной философии.

196

Вы видите, в этой системе разум станет, так сказать, высшей категорией, или окончательной формой жизни. Чтобы дойти до этого, бытие проходит через несколько фаз, опять-таки категорий, но гораздо более важных, чем идеологические категории Канта. Все эти фазы всеобщей жизни человечества логически связаны между собой и следуют одна за другой, и человеческое я не перестает более или менее смутно ощущать их: в каждую данную эпоху оно старается дать себе отчет в том, что оно испытывает, что вокруг него происходит. Прогресс человечества, таким образом, должен был заключаться в том, чтобы все более приближаться к такому положению, когда ему будет дано полное сознание того, что тогда составит его содержание, а достигнув до этого, человечество оказалось бы в положении абсолютного разума, т. е. такого разума, который сознает и постигает себя самого в совершенстве – последняя фаза человеческого развития.

197

Мы только что видели, в чем ошибка знаменитого учения о Я, учения, пытающегося установить, что не существует ничего, помимо познания, а не подозревавшего, что познание предполагает бытие познаваемого предмета, т. е. чего-то не созданного человеком и существовавшего прежде познания его человеком; нельзя, однако, отрицать, что это учение оставило глубокие следы в человеческом разуме. Дело в том, что это дерзновенное превозношение личности заключало в себе начало необычайно плодотворное. Если Фихте не видел объекта, то это, конечно, не по недостатку философского понимания, а просто потому, что он был поглощен страстно увлекавшей его работой, которую ему пришлось проделать на пути к построению внутреннего факта. Явившийся после него Гегель, ученик Шеллинга, естественным образом должен был быть приведен к построению факта внешнего и эту задачу выполнил блестяще; вопрос в том, не слишком ли он со своей стороны увлекся объектом и в своей теории всеобщего примирения достаточное ли место он отвел индивидууму. Беспристрастное рассмотрение его учения с этой точки зрения дало бы наиболее правильную его оценку. Его философия, однако, была, по существу, синтетической, поэтому он не мог остановиться на полпути, как это сделал Фихте, который поневоле вернулся к анализу, несмотря на могучий толчок, сообщенный Шеллингом философской мысли. Гегель поэтому необычайно двинул вперед синтез человеческого разума, это верно, но да будет нам разрешено заметить, что он не вполне доработал свою мысль; он умер преждевременно, в разгар своей деятельности, и не успел сказать своего последнего слова, окончательно отделать свое учение. Вот, впрочем, несколько строчек самого

Гегеля, которые лучше, чем сумеем это сделать мы, покажут, куда направлена его система. «Человеческий разум, – говорит он, – постиг искусство анализа, но не научился еще синтезу. Так он отделил душу от тела, и это было хорошо, так как бог есть дух, а природа не что иное, как материя; но, сделав это, он забыл магическое слово, долженствовавшее воссоединить то и другое, подобно тому гетевскому ученику, который, напустив воды в дом своего хозяина, не знал, как остановить ее приток, и неизбежно бы утонул, если бы, на счастье, не спас его появившийся вовремя хозяин». Вы догадываетесь, кто мастер-чародей в философии.

198

Неужели вы воображаете, будто такой пустяк – вырвать пытливый ум из сферы его мышления и втиснуть его в тот узкий и мелочный мир, в котором вращается людская пошлость? Вас окружает множество людей или человеческих жреbieв, которым суждено пройти свой путь бесследно; почему вы не проповедуете им свои возвышенные учения? Но не сбивайте с пути того, кто сосредоточенно и покорно отдается началу, в нем заложенному; не отвлекайте его от пути, по которому он следует не по своей воле, с которого не может отклониться, не разбившись сам, он увлечет, быть может, и вас в своем падении. Не видите ли вы, что орбита, по которой он движется, начертана заранее? Препградить ему путь – значит восстать против законов природы. Вы думаете, что лишь невинная шутка – бросать камни под ноги мыслящего человека, чтобы он споткнулся, чтобы он грохнулся на мостовой во весь рост и мог бы подняться лишь облитый грязью, с разбитым лицом, с одеждой в лохмотьях. Уязвленный, искалеченный, измученный окружающей его пустотой – он тайна для самого себя, а тем более для вас; как же, в самом деле, разгадать, что скрывается на дне этой стесненной души; как разгадать те мысли и чувства, которые вы и ваши присные загнали в его бедное сердце; не вам понять, сколько задатков, какие силы задушены миром и жизнью, среди которых он, задыхаясь, влачит свое существование. Мир его не принял, и он не принял мира. Он имел наивность думать, что хоть как-нибудь подхватят мысль, которую он провозглашал, что его жертвы, его муки не пройдут незамеченными, что кто-нибудь из вас соберет те блестящие, которые он с такой щедростью расточал. Безумие, конечно. Но пристало ли вам расставлять ему сети, провокаторски его завлекая, вам, которые сами называли мощным его слово и мужественным его сердце? Если в этом не было горькой насмешки, то как дерзнули вы заткнуть ему рот, посадить его на цепь? А кто знает, что бы вышло, если бы вы не препградили ему пути? Быть может, поток смыл бы все нечистоты, под которыми вы погребены? Быть может, рассек бы сковывающие вас путы?

201

Чем больше размышляешь над влиянием христианства на общество, тем больше убеждаешься, что в общем плане провидения западная церковь была создана в видах социального развития человечества, что вся ее история лишь логическое последствие вложенного в нее организующего начала. Можно осуждать средства, которыми она пользовалась для достижения своей цели, но нужно признать, что эти средства были не только самые действительные, но и единственно возможные в различные эпохи, через которые лежал ее путь; что, верная своему призванию, она никогда не уклонялась в сторону от направления, ей сообщенного; что изумительное чутье предназначенной ей роли неизменно руководило ею на протяжении веков борьбы, поражений и поразительных побед; наконец, хотя нельзя отрицать, что она была честолюбива, нетерпима, не пренебрегала земными благами, приходится признать, что только при этих условиях могут осуществиться начертания провидения.

202

Что было прежде всего необходимо? Не осуществить ли доверенную ей идею? Потому все должно быть подчинено этому высшему велению. Разве не нелепо упрекать ее в том, что она последовательно, пламенно, страстно выполняла свою задачу? Что случилось бы с миром, если бы она то и дело колебалась между различными ересями, которые стали появляться с первого же дня ее установления, не переставали возникать до тех пор, пока наконец не были поглощены великой ересью XVI в., решившейся заменить реальность церкви пустотой своей церкви неосязаемой?

Если вы меня спросите, носил ли каждый из членов церкви в сердце своем совершенное сознание великого дела, которое выполнялось вокруг него, я вам отвечу, что этого не думаю, ибо такое сознание станет доступным в божественной церкви лишь после того, как она пройдет весь цикл человеческого разума; тогда, исчерпав весь путь ограниченного разума, она вступит в область разума предельного, чтобы затем уже не выходить из нее. Нельзя, однако, сомневаться в том, что в ней всегда жило некое глубокое ощущение этого разума, и, сосредоточенное в некоторых избранных душах, некоторых увенчанных священным сиянием умах, оно излучалось на всю сферу разумных существ, составляющих христианскую общину, и наполняло их всей силой, всей правдой глубокого личного чувства.

203

Задача восточной церкви, по-видимому, была совершенно иная: она должна была поэтому идти иными путями; ее роль состояла в том, чтобы явить силу христианства, предоставленного единственно своим силам; она в совершенстве выполняла это высокое призвание. Родившись под дыханием пустыни, перенесенная затем в другую пустыню, где, живя в уединении, созданном для нее окружающим ее варварством, она, естественно, стала аскетической и созерцательной – самое происхождение ее отрезало ей путь к какому бы то ни было честолюбию. И она, надо сознаться, довела покорность до крайности; она всячески стремилась себя ограничить: преклонять колена перед всеми государями, каковы бы они ни были, верные или неверные, православные или схизматики, монголы или сельджуки; когда гнет становился невыносимым или когда иноземное иго над ней разрешалось, редко умела она прибегнуть к иному средству, помимо того, чтобы заливать слезами церковную паперть, или же, повергнувшись в прах, призывать помощь небесную в тихой молитве. Все это совершенно верно, но верно и то, что ничего иного она делать и не могла, что она изменила бы своему призванию, если бы попыталась облечься в иную одежду. Разве только в славные дни русского патриаршества она дерзнула быть честолюбивой, и мы знаем, какова была расплата за эту попытку протivoестественной гордости.

Как бы то ни было, этой церкви, столь смиренной, столь покорной, столь униженной, наша страна обязана не только самыми прекрасными страницами своей истории, но и своим сохранением. Вот урок, который она была призвана явить миру: великий народ, образовавшийся всецело под влиянием религии Христа, поучительное зрелище, которое мы представляем на размышление серьезных умов.

205

Перед нами произведения молодого французского философа, человека во многих отношениях очень умного, стоящего совершенно особняком от философской клики своей страны, но, к несчастью, находящегося также в полном неведении о том, что происходит по ту сторону Рейна, и судящего о философии вообще по той, которой учат с кафедр коллеж де франс. А надо сказать, что страна, в которой увидел свет родоначальник современной философии, не пользовалась его наследием; в наши дни это замечательное наследство не является достоянием ни Г. Кузена, ни Г. Жюфруа.

206

Наш автор, например, громко возражает против притязаний очень известной во Франции школы, которая хотела бы упразднить чувство личное и заменить его чувством социальным. В своих возражениях он совершенно прав, но он не прав, смешивая эту младенческую теорию с учением немецких философов. Мы берем на себя смелость уверить его, что ничего нет общего между гуманитарными теориями французских и серьезной философией, предметом которой являются вопросы совершенно иного порядка, чем частные вопросы жизни того общества, в котором сталкиваются всевозможные анархические теории, логические и политические. Эта философия стремится к определению связи между миром внешним и миром внутренним, к примирению идеи с действительностью: все эти вопросы, которые человеческий ум ставил себе искони, которые христианство разрешило по-своему при помощи веры, но которые еще никогда не были разрешены разумом. Поэтому можно сказать, что дело этой философии есть дело христианства, перенесенное или продолженное на почве чистой мысли; как видите, отсюда далеко до фурьеризма, до размещения человечества по

фаланстерам. Социальные вопросы, конечно, входят сюда же, но они стоят впереди, ждут своего разрешения от разрешения проблемы жизни, но в философской области они должны будут раскрыться сами собой, когда разум будет окончательно утвержден, когда идея найдет свое завершение, когда логическое действие осуществится – до тех пор философии нечего сказать по этим вопросам.

207

В общем, нет разногласия по вопросу о том, что нравственная личность, созданная христианством, иная, нежели та, которую породило язычество, теперь же философия занята воссозданием индивидуума логического. Речь идет вовсе не об уничтожении Я, о замене его каким-то отвлеченным сознанием массового человечества. Речь идет только о том, чтобы воссоздать это Я на основе более верной, вот и все. Если вы хотите знать, каким методом философия думает достигнуть этой желанной цели, я скажу вам: она прежде всего ищет вокруг себя нечто такое, в чем был бы уже осуществлен тот великий синтетический факт, который она хочет осуществить, или лучше сказать: нечто такое, в чем никогда не было разделения между двумя основными началами мира и не было их кажущегося антагонизма, и это свое искомое она находит в идее абсолютного бытия. Абсолютное же бытие есть свойство только абсолютного разума, поэтому абсолютный разум и является отныне объектом ее изучения, ее размышления, ее анализа. Все его проявления, где бы она их ни встретила, она запомнит, она обдумает каждый в отдельности, она исследует все века, дойдет до современного положения, таящего в себе итог истекших времен, она, наконец, попытается вскрыть действия, еще не осуществленные, но витающие уже в туманной дали будущего; весь этот труд она передает мысли человека и предложит ей его методом, ею разработанным. Она не только не замышляет уничтожить субъект, наоборот, она на него возлагает выполнение всей задачи, заставив его предварительно осознать свою природу; а с другой стороны, дав нам точное и явное представление об объекте, она и субъект, и объект выводит из области неопределенной абстракции, вводит их в действительность и таким образом уже ныне в известном отношении осуществляет то их согласование, которое она должна была найти лишь в конце своей деятельности. Такова философия в наши дни.

211

Как объяснить себе, что в книге о христианстве, которая вообще признана хорошей книгой и где говорится о всех религиях и всех философских системах мира, ни слова не сказано о православной церкви, хотя бы для того, чтобы опровергнуть ее учение?

212

Христианство существует. Оно существует не только как религия, но и как наука, как религиозная философия; оно было признано не только невежественными народными массами, но самыми просвещенными, самыми глубокими умами. Вот чего не могут отрицать его злейшие враги. Поэтому они должны доказать одно из трех: или что Иисус Христос никогда не существовал и поэтому религия, которая носит его имя, была основана каким-то ловким фокусником; или же, что если Иисус Христос действительно существовал, то он сам был только ловким фокусником; или же, наконец, что он был восторженным фанатиком, убежденным как в том, с чем он выступал, так и в своем божественном происхождении. А если допустить какое бы то ни было из этих трех предположений, пришлось бы еще разъяснить, каким образом христианство, рожденное из лжи, могло дойти до такого положения, в каком мы его ныне видим, и произвести то действие, какое оно оказало.

213

Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что не правы его противники.

214

Доказательством того, что такими, какие мы есть, создала нас церковь, служит, между прочим, то обстоятельство, что еще в наши дни самый важный вопрос в нашей стране – это вопрос сектантов, раскольников.[2]

215

С одной стороны, беспорядочное движение европейского общества к своей неведомой судьбе, в то время как сама почва на Западе все колеблется, готовая рухнуть под стопами новаторского гения; с другой – величавая неподвижность нашей родины и совершеннейшее спокойствие ее народов, ясным и спокойным взором наблюдающих страшную бурю, бушующую у ее порога: вот величественное зрелище, представляемое в наши дни двумя половинами человеческого общества, зрелище поучительное и которым нельзя достаточно восхищаться... десять страниц в том же духе.

216

Этот человек был бы терпим, если бы он согласился чего-нибудь не знать; но нет, ему нужно знать все, все. Одной очень простой вещи он, однако, не знает: а именно что, если, на беду, человек одарен внешностью гиппопотама, он должен быть скромным или же гениальным. У того, другого, ум такого же рода, но он, по крайней мере, мудро сидит дома, в блаженном и одиноком созерцании своих достоинств и достоинств своего ребенка; он не вешается вам на шею, чтобы сообщить, что он знает все лучше вас.

217

Вся философия Гегеля, как известно, заключена в двух понятиях: бытия и духа. Конечно, не это заслуживает в нем упрека. Что, в конце концов, можно найти в мире мысли и свободной воли, кроме действия и того, что оно производит? Ничего. К несчастью, промежуточное расстояние между этими двумя основными понятиями заполнено диалектикой, правда строгой, даже подчас, пожалуй, слишком строгой, но превращающейся часто в настоящий номинализм, в узкую логомахию (игру словами)[3] *, возможную только на таком языке, где на каждого существительного вы можете по желанию сделать неопределенное наклонение глагола. Странная грамматика, которая выражает одним и тем же словом причину и следствие и уничтожает причинность в результате ошибки в языке. Гегель, очевидно, приписал диалектике слишком большую роль; он, очевидно, не понял своего века, века, столь поглощенного идеей практической, нетерпеливо стремящегося добиться цели, дойти до реальности, пользуясь выражением, заимствованным у самого Гегеля. Как вы хотите, я вас спрашиваю, чтобы мы изводились этими бесконечными словопрениями, этой возродившейся схоластикой средневековья, мы, которые мчимся по железной дороге с быстротой солнечного луча ко всеобщей развязке. Невозможно.

218

Известно, что приобретение какой-нибудь вещи происходит двояким способом: посредством производства ее или посредством обмена, другими словами, для того, чтобы приобрести вещь, нужно или произвести ее, или купить. Но если вы не обладаете умением произвести вещь или не имеете средств купить ее, не имеете также равноценного предмета, который могли бы предложить в обмен, – что же, добудьте только кредит, и вы все же сможете приобрести ее; настоящий собственник вещи охотно уступит ее вам на веру в обмен на равноценный предмет с уплатой впредь. И надо сказать, что ничто так не возбуждает жажды наслаждений, как возможность приобретать предмет этим последним путем, ничто не вызывает столь легкой растраты своего будущего, ничто так не повышает расходов и не предоставляет столь широких средств для материального существования за счет завтрашнего дня. Но в порядке интеллектуальном, где приобретение идей и познаний совершается только посредством умственного труда и науки, где, стало быть, немислим простой обмен, где нельзя получить одну идею взамен другой, случается, что человек оказывает кредит самому себе, что он потребляет ценности раньше их приобретения, что он пускает в ход некоторые идеи, не понимая их. В наше время это самая обычная вещь. Это опять та же жажда наслаждений, ищущая удовлетворения в другой области. Как видите, теория кредита, применяемая в

219

Распространение просвещения вызвало во всех классах общества новые потребности, и они требуют удовлетворения: таково современное положение вещей в его подлинной сущности. В этом все дело. Ваше дело разъяснить нам, законно это требование или нет. Рабочий хочет иметь досуг, чтобы так же, как и вы, прочесть новую книгу, как и вы – посмотреть новую пьесу, как и вы – иногда побеседовать с друзьями; он, конечно, не прав, но тогда почему же вы так старались распространять просвещение, организовывать начальное обучение, сделать науку всякому доступной? Следовало бы оставить массы в грубом невежестве. Средства, пускаемые в ход обездоленными классами для завоевания земных благ, без сомнения, отвратительные, но думаете ли вы, что те, которые феодальные сеньоры использовали для своего обогащения, были лучше? Должно показать им другие, более законные, более действительные средства, такие, которые бы меньше нарушали ваши привычки комфорта и безделья, а не оскорбляли их. Оскорбление не есть политико-экономический трактат. Бедняк, стремящийся к малой доле достатка, которого вам девать некуда, бывает иногда жесток, это верно, но никогда не будет так жесток, как жестоки были ваши отцы, те именно, кто сделал из вас то, что вы есть, кто наделил вас тем, чем вы владеете.

220

Много толкуют о том, что общество лишено обеспеченного спокойствия. Но с каких это пор оно наслаждается этим вожделенным чувством безопасности, по которому вы так тоскуете? Наслаждалось ли им общество в средние века, когда каждый барон обирал округу, над которой высилась его башня, и когда жакерия разоряла деревни, наслаждалось ли общество Италии, когда в каждом городе был свой тиран со своим набором орудий пытки? Или во время войн против гугенотов, когда колиньи был умерщвлен, а король Франции расстреливал своих подданных? Или во время тридцатилетней войны, когда вся Германия дымилась от пожаров, всюду сопровождавших шайки Валленштейна и Тилли? Или когда Палатинат был разорен по приказу Лувуа и драгонады разгоняли промышленное население Франции? Или когда гирлянды человеческих трупов украшали белокаменные стены нашего Кремля? Или во времена наполеоновских военных наборов, когда цвет нации погибал на полях сражений? Наконец, наслаждается ли оно этим чувством безопасности в наши дни в тех странах, где кредита не существует, где 10% – нормальная процентная ставка, где громадные капиталы лежат втуне из страха себя обнаружить, где господу убивают своих крепостных, когда последние их не убивают, где осадное положение – нормальное состояние страны? Повторяю: не будем смешивать двух фактов, совершенно разнородных и связанных между собой только в порядке хронологическом. Общество под ударом, но оно защищается, и в этой защите оно просвещается. Оно, несомненно, найдет средство выйти из беды. Это уже не то, что было в старину, когда бессмысленный и нелепый предрассудок боролся против всеобщего разума, теперь серьезные интересы борются, защищая себя против серьезных же интересов.

221

Философическое Я во всем этом ни при чем. Религиозное чувство, наивные чаяния, юная вера первых веков христианства уже невозможны и более не могут овладеть массами. Они могут служить утешением лишь для некоторых разрозненных существований, для отдельных душ, вечно пребывающих в младенчестве. Божественная мудрость никогда не помышляла затормозить движение мира. Это она внушила человечеству большинство идей, которые его теперь потрясают. Она не могла и не хотела упразднить свободу человеческого духа. Она вложила в сердце человека задатки всех тех благ, которыми человеку дозволено пользоваться, и затем предоставила действовать человечеству. Посмеете ли вы сказать, что этот росток погиб среди современных бурь или что он стал бесплодным, это было бы богохульством более преступным, чем все зло, принесенное миру революциями, ибо это значило бы лишить мир надежды, той силы, которую Евангелие осмелилось признать добродетелью.

222

Мы идем освобождать райев[4], чтобы добиться для них равенства прав. Можно ли при этом не приснуть со смеха?

223

Морская держава – без побережья, без колоний, без торгового флота. Можно ли при этом не приснуть со смеха?

226

Вы претендуете на звание представителей идей; постарайтесь иметь идеи, это будет лучше.

227

Закон, как вы знаете, карает сообщничество точно так же, как и преступление.

Комментарии

Входящие в данный раздел материалы представляют собой записи по нравственным, философским, историческим, литературным и политическим вопросам, которые Чаадаев делал, начиная с периода создания философических писем, на протяжении всей жизни. Они имеют вполне самостоятельное значение, приобретающее эссеистическое и афористическое звучание, и, по мнению М.И. Жихарева, их «можно поставить рядом с произведениями в том же роде Вовенарга, Ларошфуко, Паскаля...».

Вместе с тем многие из этих записей, не теряя самостоятельного жанрового значения, находятся как бы в подчиненном положении по отношению к развитию «одной мысли» в цикле философических писем и к ее вариациям в последующих сочинениях. Столь разные проблемы вдохновения и свободы воли, разума и воображения, искусства и языка, веры и знания, счастья и альтруизма, подлинного и мнимого патриотизма, конфессиональных различий, особенностей западной и русской истории, немецкой и французской философии и другие рассматриваются каждая в своей собственной сфере и одновременно призваны доказать божественное происхождение различных явлений в духовном и физическом мирах, обосновать веру в грядущее осуществление христианских принципов.

В первую часть входят отрывки, относящиеся приблизительно к 1828–1830 гг. и напечатанные в «Сочинениях и письмах П.Я. Чаадаева» с копии, сделанной А.П. Елагиной и принадлежавшей М.А. Максимовичу. Несколько из них было опубликовано в 1832 г. в одиннадцатом номере журнала «Телескоп».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!